

ЭПОХА МЕРТВЫХ

АНДРЕЯ КРУЗА

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

ЭКСПЕДИТОР

НАША ИГРА

Мир «Эпохи мёртвых»

Александр Афанасьев

Экспедитор. Наша игра

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Экспедитор. Наша игра / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2018 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

ISBN 978-5-04-097598-3

Если покушаются на твою свободу, ты можешь отстоять ее, выйдя на митинг. Если покушаются на твою жизнь, ты можешь защитить ее с оружием в руках. Если покушаются на твое право после смерти оставаться мертвым, у тебя нет никакой надежды. Разве только на человека с оружием, который удачным выстрелом лишит зомби, в которого ты превратился, возможности передвижения. А на кого надеяться нашему миру, граждане которого и на митинги ходили, и с врагами воевали, но не устояли перед чудовищной эпидемией, разделившей человечество на пока еще живых и на... восставших мертвых?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097598-3

© Афанасьев А. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Экспедитор	6
Пролог	7
Бывшая Украина	8
Бывшая Новороссия	13
Бывшая Россия	15
Оборотни в погонах	15
Донецк – Луганская область – Россия	27
Ульяновск	29
Бывшая Россия	44
Бывшая Россия	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Афанасьев

Экспедитор

Наша игра

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Афанасьев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Экспедитор Наша игра

*О тебе, обо мне,
О могилах в лесах,
О судьбе на беде
И о наших крестах.*

*О загубленных жизнях,
Оборвавших струну,
И не сбывшихся днях
Поколенья в бреду.*

*Мы надрывной мольбой
С пересохнувших уст
Сотрясем Божий дом,
Ведь он ныне не пуст!*

*Я поставлю свечу
У Распятъя в углу
И акафист прочту
На погибель греху.*

*Назову всех убитых
Своею рукой,
Помяну, об усопших
Моля пред Тобой!*

*Ты прости нам грехи,
Души наши щадя,
А спася, примири,
В Своё Царство вводя.*

*Я поставлю свечу...
И акафист прочту...
На погибель греху...
На погибель греху...*

Леши «Солдат»

Перед тем как Вы начнете читать эту книгу, автор хотел бы кое о чем Вас предупредить.

Эта книга является чистой фантастикой, и не более того, описанием мира, прошедшего через жуткую эпидемию и теперь пытающегося хоть как-то выжить. Именно как фантастику его и нужно воспринимать. Автор не призывает к отделению каких-либо территорий от РФ, к созданию незаконных вооруженных формирований и тому подобных вещей – хотя иметь оружие в личном владении считает нужным и сам его имеет. И второе – все события, персонажи, должностные и юридические лица в этом повествовании являются вымышленными. Автор не имеет информации о каких-либо незаконных действиях организаций и должностных лиц в Удмуртии или где бы то ни было еще.

Пролог

Девяностые

Девяностые...

Время, которое мы пережили, а потом с облегчением забыли как страшный сон, когда невысокий полковник КГБ предложил нам вернуться назад, к тому, как Россия жила тысячу лет, к сильной государственной власти и совсем немножко – обществу. Ну и личная свобода – пока не подрываешь устои.

Мы пережили и забыли. В памяти остались только аллеи дорожущих могильных надгробий, к которым почти никто и никогда не ходит. Черный гранит да совсем молодые лица на фотографиях, с усмешкой смотрящие на нас нынешних, на нашу суетливую возню – они-то знали, как жить быстро и умирать молодыми. Да еще остались безымянные могилы в лесах, которые если кто и потревожит, так это экскаваторщик, копающий фундамент под новый кондоминиум. Больше нам от того смутного времени не осталось ничего.

И не осталось нам нынешним ответа на один очень простой вопрос. Почему в начале девяностых, когда рухнуло ненавидимое многими государство, и свобода стала почти абсолютной, когда можно было хоть партии создавать, хоть на митинги выходить, никто не вышел на сцену истории, кроме братков? Никто не смог организовать, кроме отморожков, перебивших друг друга в несколько лет и заливших всю страну кровью. И ушедших проклятыми.

Неужели это все, на что мы, народ, оказались способны?

Две тысячи четырнадцатый стал первым звонком – как оказалось, девяностые никуда не ушли, совсем рядом они, и все наше благополучие, с ипотечными квартирами, машинами и семейными походами в торговый центр на фудкорт, – все это может накрыться буквально за несколько месяцев. И смениться войной, нищетой и криминальным восстанием в стране, когда новые гавроши, которым в этой жизни не светит ничего или почти ничего, решат взять силой то, что предназначалось только детям чиновников и бизнесменов. Украина показала, как близко мы к пропасти и что, неверно шагнув, мы свалимся, и никто нас не остановит, не подхватит за руку. История учит только тому, что история никого и ничему не учит.

И, может быть, мы бы и избежали этого. Посмотрев на экран, посидев в Интернете, ужаснувшись чужим набитым шишкам и походу по граблям. Да, жизнь решила иначе...

Бывшая Украина **Днепропетровская область** *Тысяча десятый день Катастрофы*

Уже под вечер я заметил идущую по проселочной дороге «Ниву». Это от Седого Грека. У Седого Грека сына взяла СБУ и расстреляла на подвале. Седой Грек, понятное дело, не смирился.

Доверять вообще мало кому можно, но и в одиночку мало что сделаешь. Например, если есть оружие и машина, то надо чтобы двое было: один ведет и один стреляет. Но это не значит, что меры предосторожности предпринимать не надо.

Я смотрю через трубу – у нее и поле обзора шире и кратность выше. Пятьдесят крат – не шутки. Хотя и тяжелая.

Топчут?

В принципе могут снайпера выставить или следом двинуть. Хотя сейчас все намного проще делается... но тут спецы остались...

«Нива» остановилась, вышел тот самый порученец, который светился в забегаловке. Посмотрел на часы, стал ждать...

Время шло неторопливо... куда ему сейчас торопиться...

Прошел час.

В середине второго парниша не выдержал, достал рацию, подсоединил к автомобильной антенне, начал с кем-то нервно переговариваться.

Фраерá.

Вот чего я никак не могу понять в людях – это неистребимого желания кинуть. Даже там, где это, в общем-то, и нет смысла делать, кидают. Просто так, из любви к искусству, что ли. Или просто по велению развращенной души.

Откуда это в нас? Почему никто не понимает даже сейчас, что честно жить намного проще. Когда это с нами произошло? Во время совка, когда целый народ научили калымить, покупать продукты с задней двери магазина и потихоньку тащить с работы домой? Или еще раньше это в нас было?

Гниль человеческая никуда не делась. Она с нами...

Переговорил, потом опять начал ждать. Ждал еще час с чем-то, потом плюнул, развернулся и поехал обратно.

Скатертью дорога.

С кем он говорил и о чем – не имею ни малейшего желания выяснять. Зато если он изначально работает на розу или на службу быта, или его прижали, или Седого Грека прижали, то он, вернувшись, может сказать только то, что я не вышел на точку к обозначенному времени. И все. Понимай как хочешь. Можешь искать ветра в поле, а можешь написать в рапорте, что исполнитель предположительно погиб и не тратить время на поиски. Тем более что приданные силы есть куда задействовать и без этого. Сто пудов в Днепропетровске уже война за наследство началась.

А я полежу тут, в лесополосе, и как стемнеет – пойду. Лучше потемну – надеюсь, у них средств, чтобы производить ночной поиск, нету.

Так и сделал. Ночью протопал километров двадцать – все-таки местность сложная, а навьючено на мне изрядно. А как рассвело – снова залег. В поле видимости была деревня, но я не подумал туда идти – и монстр может быть, и зомбаки, и при прочесывании первым делом именно деревню будут шерстить.

На следующую ночь я протопал уже около тридцати – часть пути по дороге прошел потому что, а так легче. И снова залег. А когда залег – своими глазами увидел нечто вроде операции зачистки. Пара «Хаммеров», КамАЗ и «зилек» старый, который на Урале делали.

«Хаммеры» выставили на высотках, постреляли одиночными по домам. Потом пошли в село. Потом «стрелянина» началась, потому что там монстр был, и монстр опытный – на выстрелы не вышел, дождался, пока в село пойдут. Кого-то порвали.

Я наблюдал за всем этим с большим интересом.

На следующий день я почти без ошибки вышел на точку встречи.

Там стояли два УАЗа – «буханка» и обычный, рейдовый. Это уже свои, кому можно доверять. Они даже антенну дальней связи развернули, чтобы слушать эфир...

Подробности встречи я опускаю, потому что устал как собака. Обнялись, у пацанов кофе в термосе был, причем настоящий, редкость сегодня, – пол-термоса высосал, чтобы с ног не свалиться. Реально устал.

– Что в Днепропетровске?

– В городе колбас полный, в центре стреляли. Кажется, разборки начались. Психи эти коллективное самоубийство готовы сделать.

– Скатертью дорога, – буркнул я.

Белое братство тоже коллективное самоубийство хотело совершить. Жаль, что не дали.

– По Капительману что слышно?

– Евреи обряд готовят.

– А война?

...

– Ни на кого не собираются идти?

– Да нет...

– И то хорошо.

Я доел батончик и сунул обертку в карман.

– Чо, уходим?

По-нормальному мы не прошли. Так часто и бывает – то, что сначала как по маслу идет, потом подлянкой оборачивается. Не знаю, что там произошло, – вполне возможно, что и заказчики наши донецкие маякнули, я в отношении их нисколько не обманываюсь – немногим лучше днепровских, просто не обойтись мне без них. Узнали, что я не вышел на точку, днепровские прозвонили в Донецк, что там типа, – и узнали, что группа ушла на встречу. Дальше элементарно – выставиться на наиболее вероятных направлениях и ждать...

Когда пуля «Барретта» ломанула в бронированное стекло, я сидел рядом и винтовку в ногах держал. Обрызгало меня, стекла полетели... хорошо, у меня привычка в опасном районе дверь машины держать открытой и рукой придерживать. Это меня и спасло – я вывалился из машины до того, как по ней ломанули еще раз.

Прокатился по дороге, свалился в канаву. Водила второй машины – человек опытный, да и мы шли правильно – за пределами видимости, чтобы разом в засаду не влететь. Но мне сейчас надо самому уцелеть – хоть как.

Уже из канавы я увидел, как третий из нашего экипажа, Михалыч, выскочил и, успев всего несколько шагов пробежать, рухнул под градом пуль.

Вот так вот...

Видели они меня или нет? На зачистку пойдут или окружать?

Беспилотника нет. Тяжело без него будет.

Скоординироваться надо.

– Птаха, как принимаешь?

- Плюс, ты цел?
- Пока цел. Их несколько человек, по левую сторону дороги.
- Сейчас накроем.
- Отставить, у них «Барретту» и пулемет. Шумните.
- Принял. С вами все в порядке?
- А что со мной сделается?

У нас в буханке был миномет – вряд ли они ожидают миномет. Мин было мало – пять осколочных и три – с ОВ¹ самодельным. Для серьезного боя вряд ли хватит, но пугнуть – самое то. Первая мина легла прямо на дорогу – там как раз один пытался перебежать и лег. Хорошо лег, теперь они вряд ли очухаются быстро.

- Птаха, хорошо сделал. Теперь левее на ту же дальность стегани.
- Принял.

Вторая легла с хорошим перелетом, а вот третья – почти точно. Заметались... никто не готов к применению ОВ, противогазы никто не носит. Так что даже одна мина с ОВ может вызвать панику.

Но мне на них плевать было, мне надо было снайпера выцепить с «Барреттом». Вот задачка...

Выставил трубу... не думаю, что попадет с первого выстрела, это тебе не «Сако-338», точность там не очень, да еще и паника. Где он? По идее, мест, откуда просматривается дорога, мало...

Вон он. И искать не пришлось.

Кунг тупо поставили в поле, частично прикрыли стогом гнилого сена – он и лег на крыше. Недорабатываете, господа бандеровцы, недорабатываете.

Выставил на сошки, зарядил. Он тоже меня заметил, выстрелил – легло близко, камнем с дороги осыпало. Но «Барретт» против «Саки» не пляшет – я попал с первого же выстрела. Видел, как его с крыши скинуло...

- Птаха, сворачивайся и двигай сюда. «Барретт» на минус.
- Принял.

Завершив связь, я увидел, что бывший вээсушник уже ожил и ковыляет через дорогу – порванный осколками мины, но живой. Тратить на него винтовочный не хотелось – достал пистолет и выстрелил. Бандеровец упал.

УАЗ, из которого вел огонь пулеметчик, окончательно внес панику в ряды вээсушников – один бросился бежать, и его в поле в спину расстреляли, кто-то кого-то покусал... в общем, разобрались быстро.

У нас двое убитых, для засады легко отделались, но людей все равно не вернешь. Чего сейчас не хватает, и долго еще не будет хватать, – это людей.

Я сходил к тому кунгу и взял там то, что и ожидал. «Барретт М107», с глушителем и штатным армейским прицелом, и почти пять десятков патронов к нему и два запасных магазина. Из необычного – он был песочного цвета, видимо, из поставки для американской армии взяли. Все правильно – перед этим самым на Украину «Барретты» большими партиями поставлялись в качестве американской военной помощи. Это у нас на Урале экзотика.

Когда уже с винтовкой поднимался на дорогу, подали сигнал опасности...

Ага, все-таки подали сигнал, успели.

Была видна пыль, явно идут к нам.

- Уходим!
- Погодите...

¹ Отравляющее вещество.

Выставил сошки, залег прямо на дороге. Обнуляться было некогда, но снайпер неплохой был – украинский, – думал о том, кому винтовка перейдет по наследству. На приклад наклеил список поправок. Дякую за допомогу.

Первым БТР прет, причем семидесятый, вторым – КамАЗ.

Прицелился... первый выстрел как будто в никуда ушел... но еще раз подивился, насколько приятно стрелять из «Барретта»... может, он и не такой точный, как некоторые другие винтовки в этом калибре, но стрелять из него чертовски приятно. Зато второй выстрел пришелся как раз – БТР начало прямо на дороге разворачивать, он съехал с дороги в канаву и уткнулся носом.

Еще раз выстрелил по КамАЗу – чтобы движок потом на выброс.

– Теперь валим...

В Донецке нас ждали...

Уже на въезде в город мы столкнулись с целой колонной, где черные «кружаки» и «лещусы» перемежались БТРами. Мелькнула мысль – эвакуируются, потому что сильно в неправильном направлении колонна шла – в сторону Ростова. Остановились.

Там действительно люди с МО ДНР были, с Госсовета. Поздравлять нас они не собирались, вместо этого огорошили с ходу.

– Самолет сбили.

– Какой самолет? – не понял я.

– Турок, похоже...

Весело. Я повернулся к своим.

– Пацаны, возвращайтесь. Ждите меня.

Самолет лежал в поле где-то в районе бывшей границы, и к нему было не подойти.

Ощущение было препоганое... мы на два километра подошли, но и тут только в респираторах можно было. Чтобы видеть самолет, приходилось забираться на крыши машин и передавать друг другу подозрную трубу. Судя по огромному хвостовому плавнику, «С130 Геркулес».

Гореть там ничего не горело, но вся трава пожухла и налет какой-то был. Я такое уже видел, потому что и у нас эксперименты проводились, и сразу понял – хлор. Хлор и еще что-то.

Когда возвращались, я уже прокрутил в голове ситуацию – турки. У турок были свои самолеты и были две крупные базы НАТО – Инжирлик и еще одна. Самолеты взяли оттуда. Сделать устройства для распыления запросто – переделать устройства для заправки в воздухе, только и всего. Сделать примитивное ОВ – еще проще.

И – трави людей.

Турки, похоже, были в доле в Днепропетровске. И как только они поняли, что нанесен удар, решили нанести ответный. Загрузить самолет хлором – и...

Вернулись – сразу началось совещание в знаменитой Днепропетровской ОГА – той самой, которую брали штурмом, где начиналась русская весна. Я вообще не был даже гражданином ДНР, но на совещание прошел, только пистолет сдал.

Послушал – услышанное не впечатляло, потом поднял руку, громко сказал: «Прошу слова, я из России».

Народ опешил от такой наглости.

Не дожидаясь, пока кто-то даст мне разрешения я прошел к доске, исчерченной фломастерами.

– Я – представитель Удмуртии, территории, где производят все: от автомата Калашникова и до зенитного комплекса «Тор», который способен сбить ракету, не то что самолет...

...

– ...я прибыл сюда для того, чтобы договориться о продаже нам оборудования для производства патронов, так как это именно то, в чем мы нуждаемся. Однако за все это время я не встретил никакого понимания, а только желание решить свои проблемы за наш счет и в конечном итоге получить как можно больше, а отдать как можно меньше...

...

– Так вопросы не решаются. Так заводят бизнес-партнеров, но при этом теряют возможность завести друзей. А вам нужны именно друзья. Те, кто способен поддержать в трудную минуту, не спрашивая о плате.

...

– Я предлагаю, здесь и сейчас, не выходя из этой комнаты, решить – мы, Удмуртия и Донбасс, – друзья или не друзья? Если друзья – мы поставим вам пару комплексов ПВО из наличия, с ракетами. Это мы не продаем никому, но вам сделаем исключение. Если не друзья – давайте договариваться. Но вы должны понимать – договоренностями начнется, договоренностями и закончится.

Точка.

Выступление мое, откровенно наглое, тем не менее произвело впечатление, и мы проехали в здание Донецкой железной дороги. Там я провел презентацию роликов о нашей жизни руководству Объединенной республики и там же было принято окончательное решение о сотрудничестве. Первым пунктом значилась продажа линейки станков под выпуск патронов с Луганского патронного завода.

Обратно я поехал уже в «Донецк-плазу», лучшее место в городе...

Бывшая Новороссия

Донецк

Тысяча пятнадцатый день Катастрофы

Дальше было много работы, которую смысла описывать тоже нет, – поездки, встречи. Нам надо было понять, чем богата Донецко-Луганская республика, им надо было понять, чем богаты мы. Встречались, разговаривали.

Как оказалось, на «Луганск-тепловозе» наладили буквально на ровном месте выпуск тяжелых дрезин с движками от грузовиков. Выглядели они, конечно, страшно, в отличие от наших, но работать работали.

А вот с выпуском оружия у них были проблемы.

То, что наладили восстановление из всяких СХП и ММГ² до боевого состояния – это хорошо. Так же и в Приднестровье сделали – они восстанавливали даже британские макеты, получая неплохие снайперские винтовки. Но то, что не наладили выпуск хотя бы примитивных, но своих револьверов и пистолетов, патронных компонентов под переснаряжение, это плохо.

Договорились об оказании практической помощи.

Главное – договорились о восстановлении и поставке танков. Три десятка танков должны были уйти к нам – в основном Т-72, с малым ресурсом. Солидно. И к нам же должны были поехать опытные танковые экипажи – учить наших.

Со своей стороны договорились о кооперации в восстановлении техники, в частности движков, о поставке тракторов, «КамАЗов».

Еще договорились вместе попытаться хотя бы по минимуму запустить химический завод.

То, что турки явно не успокоятся, понимали все. И мы понимали, что и до нас дойдет очередь.

Отдельно подписали предварилки по сотрудничеству на уровне МВД и МГБ. У них народ с опытом, но думаю, и нам есть чем удивить.

Через восемь дней пришел первый состав – доставил основную партию нашего товара на обмен. Начали грузить станки...

Да... про Харьков забыл сказать.

Харьковские отступили – причем резко. Не знаю, что там у них случилось, может, и наш удар с тыла сыграл какое-то значение, но война прекратилась. Харьковские отступили, донецкие преследовать не стали. Сейчас не до больших войн.

Съездили на Саур-могилу, я сам предложил. Возложить цветы. Все равно, мы сейчас хоть и живем по понятиям зверским, в основном нечеловеческим, своих добиваем, но как-то людьми надо оставаться. И этот жест – это напоминание о том, что мы и сейчас помним подвиг тех, кто тут пал, – и в сорок третьем, и в тринадцатом.

Пришли караваном машин, ветер был. Поднялись... здесь так ничего с последней войны и не делали, памятник был истреблен пулями. Мы – несколько человек из нашей делегации – по очереди возложили цветы, постояли. Я смотрел в степь, понимая, как важна была эта позиция – там на десятки километров ровная, как стол, местность. И сколько крови за эту горку пролито.

Когда уже собирались обратно в Донецк ехать, меня отозвал прикрепленный мой, эсбэшник бывший. Звали его Саня.

– Тут человечка одного затримали. Посмотришь?

– А чего смотреть-то?

Саня подвел меня к неприметному «уазику»-буханке, открыли дверь – я отшатнулся.

² СХП – стреляющее холостыми патронами, ММГ – макет массогабаритный.

Там был зомби. Лишь решетка отделяла его от меня, он вцепился в ее прутья и странно мычал, жаждая плоти.

– Твою мать! Это что за шутка?

– Это не шутка...

...

– Вчера его приняли, занимал позицию, двести тридцать метров от «Плазы». СВД у него была. Взять живым не получилось. Решили показать – может, знаешь?

– Никогда не видел.

Саня достал пистолет и выстрелил зомби в голову...

Бывшая Россия
Ижевск
Тысяча первый день Катастрофы

Оборотни в погонах

*Ни единою буквой не лгу – не лгу!
Он был чистого слога слуга... слуга
Он писал ей стихи на снегу... на снегу
К сожалению, тают снега... снега
Но тогда еще был снегопад... снегопад
И свобода писать на снегу...
И большие снежинки и град
Он губами хватал на бегу.*

Владимир Высоцкий

Капитан полиции Березовец жил в районе Соцгорода, в самом низу, в одном из старых домов, что было очень удобно. Дома были еще сталинские, их легко можно было топить, безо всяких буржеек с трубами в окна.

Было уже темно, когда под окнами раздался знакомый звук клаксона – шеф переделал клаксон, так что звук его отличался.

– Чо, опять в ночь пойдешь? – заворчала жена.

– Замолкни.

Березовец, в общем-то, не был классическим социопатом, он имел обычную семью – жена, двое детей. В полицию он не должен был попасть – его должны были отсеять на психологическом тестировании, но попал. Его проблемой было то, что он был выходцем из девяностых, не имевшим никаких моральных ограничителей. Укради, предай, убей. Умри ты сегодня, а я завтра.

Березовец собрался, надел не форму, а гражданское, вышел. «Крузер» виднелся в сгущающейся темноте рядом с бывшим магазинчиком. Тут вообще каким-то чудом уцелело очень патриархальное место на берегу реки Карлутка. Посмотришь – и как будто сейчас семидесятые годы прошлого века и городишко на десяток тысяч жителей. Такие магазинчики – это типовый проект, их строили как селпо.

– Как дела, шеф?

– Как сажа бела...

...

– В бардачке посмотри.

Березовец открыл бардачок. Там был пистолет переделанный и ксива с мечом и щитом. Он открыл ксиву, там была его фотография. Потер в пальцах бумагу.

– Фуфло. Бумага не та.

– Ерунда, нам не в основное здание заходить. На один раз хватит.

– На какой – один раз.

– Тут недалеко в новом доме – адрес Дьячкова, там его баба живет. Ее надо увезти.

– И чо, для этого ксива ФСБ нужна?

– Старшие сказали, она недоверчивая. А Дьячков сам с ФСБ мутит. Надо решить тихо и без стрельбы. Заодно и в другое место успеем.

– Какое другое место?

– Вот, глянь.

Майор показал фотографию на телефоне.

– Безуглый, как раз тот фээсбэшник, который с Дьячковым контактит. Старшие сказали – его надо на ноль помножить. Я другую группу направил, но если успеем – сами подскочим. Там – шпана, опыта еще нет настоящего.

Капитан схватил своего шефа и подельника за рукав.

– Ты чего, старшой? За сотрудника ФСБ – вышка без вариантов.

– Это ты поздновато вспомнил. На вышку свою мы оба уже наработали.

Майор Белый достал сигарету, помял в пальцах, но закуривать не стал.

– Как думаешь, долго мы так рысачить будем?

...

– Недолго. Рано или поздно уберут, потому что знаем уже много. Тут как в спорте: или выходишь на уровень выше, или... досвидос. Вот этим делом мы и выйдем на уровень выше. Войдем в доверие.

– Или нас кокнут.

– Кокнут... – передразнил майор, – на вот, послушай.

Он проделал какие-то манипуляции с часами – и вдруг в машине зазвучал тихий, как будто из пространства исходящий голос.

– *Старшие сказали, она недоверчивая. А Дьячков сам с ФСБ мутит. Надо решить тихо и без стрельбы. Заодно и в другое место успеем.*

– *Какое другое место?*

– *Вот, глянь.*

– *Безуглый, как раз тот фээсбэшник, который с Дьячковым контактит. Старшие сказали – его надо на ноль помножить. Я другую группу направил, но если успеем – сами подскочим. Там – шпана, опыта еще нет настоящего.*

– *Ты чего, старшой? За сотрудника ФСБ – вышка без вариантов.*

– *Это ты поздновато вспомнил. На вышку свою мы оба уже наработали.*

– Ты чего, пишешь? – сказал капитан.

– Ага. Знаешь, как в том анекдоте? Заходит Василий Иванович к Петьке, а тот сидит и что-то пишет. – Петька, ты чего там пишешь? – Да вот, Василий Иванович, оперу пишу. – Оперу? Опера – дело хорошее. А про меня напишешь? – Напишу. – А про Фурманова? – И про Фурманова напишу. – А про Анку? – И про Анку... Опер про всех сказал писать!

...

– Новосельцева убили, слышал? Дьячков и убил. В министерстве движуха. Если сделаем – мне пообещали городской угрозыск. Ты идешь ко мне замом. А если кинут...

Белых показал на часы.

– То кое-кто слушает мою оперу...

Они поставили «крузер» у больнички, потому что во двор заехать было нельзя – забор и шлагбаум. Белый набрал номер и тут же дал отбой. В ответ – мелькнул проблеск фар – за забором, на охраняемой территории.

Они выбрались из машины и пошли. Навстречу подбежал молодой из криминальной разведки, открыл изнутри дверь. Сейчас, кстати, ходить по городу тяжело было, весь город превратился в большую зону с высокими заборами из сетки-рабицы, а где и более капитальными, с закрытыми дверьми – это было сделано для того, чтобы если где-то возникнет очаг заразы, то

он не мог бы распространяться, а был бы локализован в пределах одного дома и там оставался бы, пока не подъедет «скорая» и чистильщики.

Но ребята из криминальной разведки, которым поручили работать по объекту, – понятное дело, ключ подобрали.

Они закрыли за собой дверь, сели в машину, которая мигнула фарами – это была «Газель» службы доставки.

– Ну, что?

– Все норм. Модель в адресе одна.

– Это чо, вы ей такое псевдо дали?

– А что? Модель и есть.

Белый наставительно поднял палец.

– Никогда нельзя давать объектам псевдо, основанные на реальных приметах. Вы что, инструкцию не читали?

...

– Так, мы сейчас поднимаемся и ее забираем. Вы едете домой.

– Так, стоп, – сказал Сапаров, начальник смены разведчиков, – у нас задание на нее до послезавтра выписано.

– Ну, можете тогда отпуск маленький себе устроить, лады?

Сапарову это не понравилось.

– Я вам два дня чисто закрою, идет? Ну, вот и все.

Двое, Белый и Березовец, выбрались из машины и пошли к подъезду.

– Гнилое дело, – сказал один из разведчиков.

– Замолчи.

– Я по их делу проходить не собираюсь.

– Сказано – завали!

Элина же занималась готовкой.

В Москве еще до всего этого она почти не готовила... перекусывала что-то или ходила в ресторан, благо желающих пригласить было хоть отбавляй. Но теперь ей нравилось готовить. Как нравилось и все, что ее теперь окружало, – большая квартира и даже елка во дворе, живая, которую можно наряжать на Новый год.

Тусовки, вечеринки – все это казалось каким-то далеким, тем, что было не с ней. Равно как и ее смешные попытки найти мужчину – она просила у подруги пропуск в Думу, чтобы дефилировать по коридорам, в надежде на то, что на нее клонет какой-то депутат.

Все это кончилось разом, и кончилось страшно, когда в один прекрасный день мертвые пошли по земле есть живых...

Когда они первый раз поехали в Завьялово, она в первый раз причастилась и исповедовалась, у нее была страшная истерика, она рыдала в машине, наверное, час. Потому что многое поняла. Отец Александр сказал ей: «Господь отпускает грехи всем. Даже разбойник, висевший на кресте рядом со Спасителем, спасся, потому что уверовал. Уверовать никогда не поздно».

Она окончила институт, получила полное медицинское образование, на которое в Москве не обращала особого внимания, и начала лечить людей.

Однажды ей пришлось застрелить человека. Обратившегося.

Помог снова отец Александр, он сказал, что человек – образ и подобие Божие, а ходящий труп – есть порождение зла. И не убий – не значит не защити.

Вот так они и жили.

Элина хотела бы нормальной, законченной семьи, ребенка, но этому препятствовали два обстоятельства. Муж все время был в разъездах. И она никак не могла забеременеть – следствие ее московской жизни. Лечилась, но пока ничего не выходило.

Но скоро все должно было измениться. Саша поставит завод и, вероятно, будет заниматься им, а не ездить в Новгород...

Звонок.

Первым делом она протянула руку к сумочке. Потом вспомнила – в прихожей на шкафу, – заряженный «Моссберг».

Или с Сашей что-то?

Она вышла в прихожую. Посмотрела в глазок.

– Кто там?

– Элина Викторовна, ФСБ.

Сердце ушло в пятки, она открыла дверь. На удостоверение внимания почти не обратила, хотя отметила – действительно, этот человек из спецслужбы. В ее жизни не было никого, кроме людей из больницы, с завода или из спецслужб... сейчас вообще люди жили замкнуто. И сотрудника спецслужбы от ряженого она отличила бы.

– Саша уехал...

– Элина Викторовна...

– Да... проходите.

Она провела их в большую комнату. Оттуда был выход на одну из двух лоджий – такую большую, что она была почти как отдельная комната.

– Что-то случилось?

...

– Да говорите же!

– Видите ли...

– Да хватит уже намеков!

Незнакомый фээсбэшник развел руками.

– Есть проблемы. С группой... в общем, мы бы хотели продолжить разговор.

– Я никуда не поеду, пока вы мне не скажете, что с Сашей.

...

– Он жив?

– Да... но, возможно, в плену. Мы с ним связывались...

Они не сказали...

Элина улыбнулась... вспоминая, что она все-таки женщина и от того, насколько она будет убедительна, зависит, будет она жить или нет. Внизу живота появился холодный комок... она вспомнила, как ее похитили и что ей пришлось пережить в рабстве. Она давно дала себе зарок – больше этого не будет.

– Хорошо... можно... я только сумочку... деньги возьму.

«Фээсбэшники» переглянулись. Майор подумал – удача сама в руки прет.

– Только быстро, если можно.

– Да-да...

Элина вышла из комнаты в широкий коридор. Так, теперь налево. Спальня.

Майор показал подчиненному – за ней. Тот пошел.

Капитан полиции Березовец не успел немного. Совсем чуть-чуть.

Он, как и майор, подумал – фартит им сегодня, и с...у эту по кругу пустим и бабло раскидаем... только фарт у него на сегодня кончился, только он этого не понимал. И, вообще, фарт кончился навсегда.

Он увидел, как телка берет с полки книгу, и не удивился – многие держали деньги в книгах. А в следующее мгновение телка повернулась – у нее в руке был пистолет.

– Руки!

– Ты чо, с...а?! – он протянул руку, попытался вырвать пистолет.

Ослепительно-яркая вспышка – и темнота.

Белый тоже не просек – он никак не думал, что молодая врачиха, живущая с депутатом, наверное, из-за денег, будет стрелять. Он подумал, что это Березовец выстрелил, а он мог, потому что с мозгами у него совсем туго было, мог все что угодно сотворить.

– Ты что творишь!?

Выскочил в коридор, успел увидеть ноги лежащего на полу Березовца... руку с пистолетом – больше ничего не успел, так как словил три пули, две из них попали в голову. И упал в коридоре...

Теперь быстро!

Элина потянула на себя лямки лежащего на высоком шифоньере рюкзака... он свалился на нее, как тонна кирпичей, больно ударил по лицу. В обнимку с ним она бросилась к выходу... дверь была открыта, она кое-как всунула ноги в тренировочные кроссовки, не застегивая, открыла дверь на лестничную площадку, прислушалась... едва слышно, но слышно.

Идут!

Она поднялась на пролет выше и спряталась там, где мусоропровод... время есть, хотя совсем немного, совсем. Вжикнула молнией, потянула за ремень и вытянула на свет божий АКМ. Дерево и сталь, рукоять из рыжего реактопластика. Семьдесят пятый год... апофеоз брежневского социализма... пуск КамАЗа... падение Южного Вьетнама... политика детанта... заключительный акт Хельсинкского совещания Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, признающий и закрепляющий нерушимость послевоенных границ. Детские сады... жилье... дороги... первые Вазы на дорогах...

Кто-то мог себе представить, чем все кончится?

Длинный черный магазин... это уже новодел. Он на сорок патронов, но патронов там тридцать, это чтобы пружину не перегружать. Зато снаряжать не надо, он снаряженный лежит как аварийный. Переводчик в среднее положение – автоматический огонь. Присоединить... затвор резко на себя... от себя... как можно тише... услышат! Включить прицел... сзади две кнопки... на обе. Ага, загорелся...

Топот совсем рядом.

– Восьмой!

Снова топот.

– Твою же мать!

Автомат лег в руку привычно, как на стрельбище, подошвы кроссовок скрали шаги. Только не на шуметь...

– Боб! Боб, сюда иди!

– Второй там, в комнате!

– Ну и че делать будем?!

– Че делать! Сымать штаны и бегать!

Капитан Сапаров – в отличие от тех двоих, Белого и Березовца – виновен не был. Точнее, был, конечно, но не больше любого другого.

Он работал и знал, что Белый и Березовец работают напрямую на начальство, что их на земле днем с огнем не сыскать и что дела на них если и раскидывают, то очевидные, по которым и розыск вести не надо. Что Белый живет не совсем по средствам, что он уже майор не просто так и точно так же не просто так станет и подполковником. Что Береза как-то раз трепал по пьяной лавочке такое, что волосы вяли, и что потом Белый ему не просто так морду бил. Что, короче, вот эти двое – скорее всего, оборотни... но при этом, когда Белый дал ему выписанное (за подписью начальника, но без номера, не проведенное как положено и не зарегистрированное в журнале) задание на слежку за женой депутата – а это само по себе дело

стремнее некуда, – Сапаров согласился, вопросов не задал и с ним пошли еще двое. Никто не задавал никаких вопросов ни до, ни после, никто не пошел ни в прокуратуру, ни в УСБ. Все считали, что бы ни происходило, выносить сор из избы нельзя. И – сами разберемся.

А теперь Белый и Березовец мертвы, убиты, и капитан понимал, что неприятности только начинаются... хотя бы потому что он увидел на полу в комнате фээсбэшную ксиву и понял, что это или Белых ксива или Березовца, то есть они приходили сюда и представились сотрудниками другого ведомства... а это само по себе сильно нехорошо.

Он подумал, что надо по-любому закрыть дверь...

– Боб! Дверь закрой!

...

– Оглох, что ли?!

Он поднял ксиву и шагнул в коридор... Боб стоял как статуя свободы, и на них на троих от двери смотрел автомат Калашникова.

– Не надо, – сдавленно сказал он, обращаясь то ли к своим, то ли к бабе с автоматом, потому что он не первый день работал в полиции и понимал, что вот сейчас шмальнет. Как раз эта и шмальнет.

Третий из их группы, по кличке Петля, с каким-то матерным выкриком рванул пистолет из кобуры – и в ответ застрочил автомат...

Майор УФСБ по Удмуртской республике Дмитрий Павлович Безуглый святым ни в коем случае не был.

Он, как и все, был человеком из своего времени, а время это и до Катастрофы благонаравием не отличалось. После того как не стало коммунистической морали, на которую большинство плевало с крыши, но хоть как-то принимало во внимание, морали не стало совсем никакой. Все как-то разом стали жить по блатному закону – умри ты сегодня, а я – завтра. Последних идеалистов выбили девяностые. В нулевые, на фоне относительного материального благополучия, порой казалось, что в обществе идет вялотекущая гражданская война. Любой коллектив – как змеиный клубок.

Но майор, несмотря на то что идеалистом не был, не был и подонком. Он не был готов обобрать старуху, например, чтобы жилье у нее отнять. Не был готов кинуть друга. Не был готов продать.

Майор ехал домой и думал о том разговоре, который состоялся у него на заводе «Аксион». Нет, все чин по чину – завод у него в оперативном обслуживании, когда он приехал, его пригласили в кабинет директора, поставили чай. А потом зашел еще один человек. Не последний в республике. И завели они разговор о том, что вы, майор, можете хоть завтра получить подполковника, заслуги ваши перед республикой это позволяют. Вот только связи ваши не слишком хорошо вас характеризуют. Какие связи? Ну, например, с депутатом Горсовета Дьячковым. У милиции есть основания подозревать его в убийстве и в создании организованной преступной группировки, занимающейся незаконной торговлей оружием. Он сейчас целый состав повел – кому? Точно в ЛНР? А по оперативным данным – чеченцам. Есть и другие отрицательные данные.

Отрицательные данные – хорошая формулировка. Есть данные, и все тут, а ознакомиться – извините. Тайна.

Дмитрий в ответ достал свою карточку – пропуск, в которой обозначен четвертый из пяти уровень допуска к гостайне, и потребовал ознакомить его с этой информацией. Потому что положение о гостайне предусматривает запрет на ознакомление с ней лиц, не имеющих допуска – но отказывать в допуске лицу с допуском из другого ведомства только потому, что оно из другого ведомства, – это уже, извините, местничество, за это и самому попасть можно. Выговорешник как минимум.

Те, кто его пригласил побеседовать, такого ответа не ожидали, и разговор скомкался. Но теперь надо было думать, что делать дальше. Потому что не все так просто, не все...

Дмитрий понимал, что торговля оружием – дело стремное изначально, и срезаться на нем ой как легко. Если раньше был федерализм, то теперь царит самый настоящий феодализм и один феодал собирает дружину и идет войной на другого, причем феодал раньше мог быть кем угодно – от начальника милиции до начальника хлебокомбината – да, было и такое. И всем нужно оружие. Нужно оно и гражданам – наличие пистолета часто отделяет жизнь от смерти...

И понятно, что стволы нужны бандитам всех мастей. А тот, кто ими торгует, он заинтересован в том, чтобы продать товар, как и любой другой торговец, – так? И экспедитор – должность крайне стремная. Он-то не застал, но слушал разговоры ветеранов – о почти поголовной коррупции, о базах – рассадниках воровства. О том, что и при Андропове при всей его строгости, ничего с этим не сделали – на место хапнувших приходили те, кто хапнуть мечтал. Озверевшее государство ввело смертную казнь за хищение госимущества на сумму от десяти тысяч. И что – помогло? А как вы думаете? Где сейчас СССР?

Только вот он знал Дьячкова очень и очень давно. Лет пятнадцать. И он точно знал, что Дьячков – уж кто-кто, но точно не сука.

А следом были и более невеселые мысли. Дьячков и некоторые другие люди, в том числе и он сам, кто группировался возле стрельбища и знал друг друга, во многом и спасли город, когда все привычно обделались и отморозились. Взяли ответственность на себя, начали организовывать патрули с оружием. Через марковский форум³, кинули клич, начали собирать народные дружины. По идее, с оружием на улицу с заряженным вообще нельзя, административка и изъятие. Они рискнули. Хотя поначалу никто не мог поверить в то, что происходит, не то, что стрелять людям в голову. Кто-то, даже помнится, сел на пару дней. Но они выиграли время. И, как только стало понятно, что это не шутка, город не был повально заражен. Можно было бороться.

Понятно, что их потом всех каким-то образом отблагодарили, многие ушли во власть. Но понятное дело, что те, кто раньше был во власти, этому были не рады. Они и в самом деле верили в то, что это они спасли город – сидя в кабинетах. Ничего же не случилось – значит, они. А теперь не исключено, что они начинают избавляться от чужих. От тех, кто помнит правду.

Ничего личного, читайте Макиавелли.

О том, что произошло, он должен был доложить руководству ФСБ. Но... а стоит ли?

Дело даже не в сути сделанных предложений. А в том, что Копытцев разрешил-таки возбудить дело оперативной проверки, названное «Монастырь». И пустить попытку вербовки сотрудника по официальному ходу – значит, лишить дело «Монастырь» всяких шансов на оперативный успех.

«Крузер» с включенными фарами свернул во двор, тут же взял налево и... Дмитрий выматерился в голос, он едва успел затормозить.

– Твою мать!

Задом к нему стоял мусоровоз с потушенными габаритами. Он на самом деле чуть не врезался, даже бампер стукнул.

– Козел...

Матерясь, он взял фонарик... темно... пошел разбираться с машиной. Сделал несколько шагов... из темноты свистнула пуля, вторая сильно ударила в грудь, в руку. Майор упал у грязных колес... еще один удар.

Его ослепил фонарь.

– Он.

И чей-то явно командный голос.

³ Крупнейший в УР форум «Марк-ИТТ» самого авторитетного провайдера Ижевска.

– Кончаем...

Мелькнуло в голове: «Глупо как».

В следующий момент из темноты ударила глухая, шелкающая короткая очередь... еще одна... кто-то повалился на него со всей тяжестью, мокро хрипя.

– Снайпер!

Выстрелы в темноту. Еще одна очередь, крик. Еще очереди...

Майор УФСБ по Удмуртской республике Дмитрий Павлович Безуглый пришел в себя в каком-то помещении... он сам не знал в каком.

Над ним был потолок, белый. Но не затянутый пластиком натяжной, а бетонный, даже не беленый. Он повернул голову и увидел стену... красный кирпич, брызги цемента на стене... но при этом стеклопакет был вставлен и небрежно задут пеной по краям.

Было тепло...

Он лежал на топчане, накрытом каким-то покрывалом, и сверху кто-то укрыл его легким, старомодным шерстяным одеялом. Он пошевелился... наручников не было, тюрьмой тоже не пахло. Повернул голову и увидел оружие.

К стене у окна был прислонен АКМ с длинным рогом пулеметного магазина. Эотек на боковом кронштейне, магнифайер, фонарь, серебристый короткий глушитель – он узнал этот автомат, потому что его владелец стрелял с ним на стрельбище на соседней дорожке, и не раз.

Оружие Дьячкова.

Он с ним ходил на Казань и вообще в первый год. Потом перешел на пять сорок пять, а это оставил дома.

Легкие шаги... он повернул голову в другую сторону и увидел женщину... лет тридцать, плюс-минус, красивая, высокая. Медного цвета волосы и черные брови... да, это женщина Дьячкова. Как ее... Элина. На ней был черный флисовый костюм, который ей был явно велик, вон даже рукава подшила.

В руке у нее был старомодного вида эмалированный ковшик, голубенький...

– Что... произошло.

Она присела рядом с ним... он, как оказалось, лежал на большом, старом диване, стоявшем посреди недостроенного зала.

– Выпейте... вот так.

Какое-то варево – попало в дыхательные пути, он закашлялся.

– Что-то...

– Бульон. Давайте...

Перхая, он допил до конца.

– Вы... Элина. Да?

– Да.

– А где мы?

– За городом. Саша... он сказал, чтобы я шла сюда, только если идти станет совсем некуда.

Какой-то коттедж.

– Что произошло?

– Я видела... мусоровоз. Ждала вас... я не думала, что они начнут стрелять по вам. Как только начали, я начала стрелять по ним.

Дмитрий смотрел на женщину, которая спасла его от киллеров.

– Кто научил вас стрелять?

– Саша.

...

– Он говорил, первое, что я должна уметь, выстрелить в человека.

Она помолчала и добавила:

– А второе – за счастье всегда надо платить...

За счастье всегда надо платить...

– Я сильно ранен?

– Рука и нога. Пистолетными. Только мясо, кость не задета. Я перевязала. Кевлар спас.

Дмитрий по себя подумал – уже мало кто носил. Расслабились все. А вот как оно получается... хреново.

– Несколько дней.

– Нас здесь не найдут?

– Вряд ли. Это коттедж, отдельно стоящий. Все в пыли, тут давно никого не было.

– Спасибо.

– За что?

– Сейчас бы я в морге лежал.

Элина помолчала, потом сказала:

– Они и ко мне приходили. Один сказал, что из ФСБ. Что надо проехать с ними, что Саша ранен, но он не сказал того, что должен был. А Саша сказал, чтобы я была осторожней и что могут прийти.

...

– Я их убила.

Через неделю майор Безуглый встал на ноги. Рана на ноге еще беспокоила, но если не проходить полосу препятствий, то двигаться можно.

Он практически не показывался на улице – мало ли – и все время думал... мучительно вспоминал, что происходило в последнее время, и пытался понять, что, ко всем чертям, произошло... где он просчитался... как получилось так, что его, опытного опера, попытались просто убить во дворе, как бандита.

Почти сразу пришло страшное осознание – он недооценил этих. Этих – это тех, кто пытается взять власть. Старые инстинкты взяли свое... борьба за власть представлялась бумажной волокитой, приказами, может быть, схваткой в Госсовете, но не пулей во дворе. А Сашка был прав – он предупреждал, что будет именно пуля во дворе, что к власти идут не бюрократы, а бандиты. В том числе и под милицейскими погонами.

Они сами виноваты. Цепляясь за иллюзию нормальности, не увидели, что нормального в мире уже ничего нет, что и самого мира нет, не осталось. А есть его куски, оставшиеся после падения единого целого, и их кусок – лакомый.

Дурак... как же так... дурак.

Им выдали и автоматы, и пистолеты на постоянку, а они ни хрена не поняли. Их клиенты теперь – волки, кровью упившиеся. И волки, которые еще только жаждут вонзить в парное свежее мясо свои клыки...

На следующий день Элина его осмотрела, заставляя сгибать руки и ноги, приседать. Наконец заключила:

– Ходить сможешь.

– Знаешь, где Дьячков? Как его найти?

Элина, чуть помедлив, кивнула:

– Не бойся. Мне так же надо уходить, наверное, меня уже в убийстве Кеннеди обвинили, не меньше. – Саша сказал, чтобы я, случись что, бежала в Ульяновск. Там на торге надо найти человека. Он поможет.

– Какого человека?

...

– Ладно, но Ульяновск – бандитская территория. Нас там сожрут, даже если мы выберемся из республики. У нас ни денег, ни патронов в достатке, ни транспорта.

– Все есть.

Они спустились вниз, в гараж, по лестнице – майор заметил, что на их пути две двери, вверху и внизу, и обе стальные и запираются. Внизу было темно, электричества теперь не было, освещение – свечой или керосинкой. В рассчитанном на три машины гараже стояла одна – но какая...

Машина была покрыта тонким слоем пыли, но он безошибочно определил – новая. Краска совсем не выцвела.

Дмитрий присвистнул, обошел вокруг, потом сел на водительское место, посветил фонарем на пробег. Потом на табличку с годом выпуска. Еще раз присвистнул:

– Ни фиги себе! Девяносто первый год, она же новая совсем, пробег – семь тысяч!

Это была «Иж-Комби», типичного для этой марки ярко-зеленого цвета. Похожа она была внешне на «Тойоту Короллу универсал» шестидесятых. Примитивный дефорсированный мотор 1,7, работающий на любой дряни, рессоры.

Боевая машина вояка – так ее называли.

– Она от родителей осталась, – сказала Элина, – там с документами были проблемы. Саша говорил, она и в ГАИ на учете никогда не стояла, ее выгнали с завода и забыли про нее. Это как память.

Резину, конечно, сменить по возможности... но это не проблема.

Он посмотрел назад. Элина стояла с монтажкой.

– Ты чего?

– Помоги...

Вдвоем – женщина и раненый – они отжали плиту на полу. С трудом вытащили сумку и большой, явно не китайский оружейный кейс.

В сумке лежали «грач», «глок», «пб», переделанный под макаровские патроны пистолет «гроза» тоже с глушителем⁴, два легких бронежилета и деньги. Пачки – рубли, доллары, евро. В отдельном мешочке – золотые монеты, «Георгий Победоносец» и «Сеятель».

Дмитрий открыл кейс. Там был совсем новый «Рем 700 Таргет Тактикал» с цевьем из стеклопластика. Прицел был «Леопольд». Американский, просветленные линзы и специальная антибликовая насадка на прицел – ее ставят для того, чтобы не было бликов и невозможно было засечь лазерной системой сканирования. Вторым был АК-74 с глушителем и белорусским же прицелом ПО. Ко всему – магазины, в кармашках – пачки с патронами. К винтовке патроны – даже три пачки американских.

Да... все, что нужно, чтобы выжить.

Он взял «грач», выбросил магазин, привычно раскидал, чтобы посмотреть состояние. Да... новый совсем.

Подошла Элина, взяла «глок», взвесила в руке. Она сделала то, что обычно делают в таких случаях женщины, – постриглась под каре и перекрасила волосы. Теперь она была брюнеткой, причем жгучей.

– Умеешь?

– А ты сомневаешься?

...

⁴ Единственный успех постсоветской Украины в стрелковом оружии – в начале 90-х в Виннице, на предприятии по выпуску наручников, по заказу МВД Украины сделали пистолет под патрон ПМ, но по схеме CZ с более длинным стволом и магазином большой емкости. Пистолет оказался успешным, единственно, чего ему не хватило – заказов от государства. Перед Катастрофой его начали производить в подмосковном Подольске, причем как в травматической, так и в боевой версии.

- Что делать будем?
- Мне надо встретиться с одним человеком.
- Узнать, что к чему. Но доверять ему до конца я не могу. Прикрыть сможешь?
- Смогу.
- Вот и хорошо...

В шестидесятые годы в Ижевске был построен завод по производству автомобилей и металлургический завод, в основном для обеспечения этого же производства прокатом. Они были построены на совершенно новых площадках в другом конце города, организационно входя в Ижмаш, но при этом находясь на отшибе. Вместе с ними построили и жилой район под названием «Автозавод» – его переименовали в Устиновский, когда под давлением жителей города было отменено переименование самого Ижевска в Устинов.

В девяностые автозавод чудом выжил... местная власть провалила проект передачи завода под сборку, а потом и производство автомобилей «Шкода»... потом точно так же провалился проект и с «Фордом»... в конце концов завод вошел в состав Автоваза и начал выпускать «Весту». А вот металлургический накрылся, причем накрылся медным тазом, производство было просто разорено, оборудование пустили на металлолом. Сейчас оно так и стояло, не знали, что с ним делать...

Сейчас мимо него проехала серая «Шкода», остановилась на обочине, прикрываясь остановкой. Из нее вышел мужик, между тридцатью и сорока, нервно огляделся, потом закурил. С одной стороны мертвый завод, с другой – дачные домики, переделанные в настоящие дома...

Он бросил взгляд на пассажирское сидение – там лежал автомат.

– Чо, Леш, мандражишь?

Он и не заметил, откуда появился его коллега. Точнее, бывший коллега, как объявили на оперативке.

- Ты откуда?
- Весь народ из одних ворот. Ты один?
- Да.
- Ну, хорошо, что один. Пусть все так и останется... э, э! Снайпера не зли!
- Ты чего?
- Ничего. У меня к тебе зла нет. Надеюсь, у тебя тоже.
- Какое у нас зло.
- Вот и отличненько. Про меня что сказали?
- Что ты с какой-то бандой связался. Оpozорил звание...
- Ага. А с какой – не сказали?
- Говорят, с самарскими.
- Умно. Когда объявили?
- Позавчера на оперативке.
- А кто?
- Перерва.

Понятное дело. Как там в «Крестном отце»? Кто тебя позовет, тот и предатель.

- А ты что... в самом деле?
- А сам как думаешь? Шеф где?
- В санатории, здоровье поправляет.
- О! А когда у него должен был быть отпуск? Ты не задумывался? Вы все, б..., не задумывались?

– Думай не думай, все равно в суп попадешь...

Безуглого это выбесило настолько, что он, недолго думая, врезал Алексею по лицу. Тот отшатнулся...

– Ты чего? Охренел?! За что?!

– А за то, что ты сотрудник органов, твою мать! А не дворник с улицы. Это дворнику все пох, машет метлой и машет. А мы должны порядок защищать, понял? Порядок! В том числе и от оборотней в наших рядах. И когда такое дерьмо происходит, то это тебя лично касается. И всех нас, ипать!

...

– Если бы в самом начале всем был по хрену мороз, сейчас бы ни хрена не было, ни заводов, ни жрачки, ничего! А одна бы половина республики сейчас доедала другую!

– Ну ладно...

– Да не ладно!

– О'кей, о'кей. Извини, не то сказал.

Ни один извинениями этими не удовольствовался. Все понимали, что сказал – как на базар. Сейчас слова ничего не стоят...

– Дьячков в розыске?

– Да.

– Ориентировку принес?

– Да.

Безуглый посмотрел ориентировку, усмехнулся.

– Организация преступного сообщества? Неслабо, с козырей сразу. Вы хоть с него депутатскую неприкосновенность сняли, юристы? Или так, по принципам революционной целесообразности?

...

– Ладно, вали. За помощь спасибо, потом зачтется. И Леш...

...

– Если меня возьмут, то та история с типографией «Гознака» наружу выплывет. И если замочат – тоже. Так что в твоих интересах, чтобы я тихо и без ажиотажа покинул республику и больше меня не видели – не слышали. Понял?

Донецк – Луганская область – Россия

Дорога

Тысяча семнадцатый день Катастрофы

Как видно, днепропетровские все-таки что-то просекли и пытались если не сравнять счет, то отомстить уж точно. Собственно говоря, донецкие рассчитали все правильно – в их структурах полно двойников, как и в днепропетровских, – много кто работает на Донецк. Это как теория взаимогарантированного уничтожения. Никто не может ничего сделать, потому что наступят раньше. Донецкие все рассчитали правильно, послав меня – никто про меня не знал, и я не знал никого – только так можно было обезглавить верхушку днепропетровской мафии. Но днепропетровские хоть и пропустили удар – теперь, видимо, рвались отомстить.

Об этом я поговорил с эмгэбэшниками, когда мы накрыли стол на берегу Кальмиуса, выехав из города. Там народу много было, и моих тоже – наши-то тоже не все знали о происходящем, поставили в известность уже постфактум. Но теперь и у своих авторитет поднялся – мало кто может сходить в чужой город, и там не только выжить, но и привалить верхушку конкурентов. Личный пример всегда важен.

Пожарили мясо, поставили на стол водку – сегодня можно было, хотя перед выездом мы посчитались, кто реально будет гулять, а кто только для вида. Погода была хорошей... тихо, как и не было ничего, ни Катастрофы, ни мора, ни последующей страшной жизни и смерти в замертвевших городах, ни добытых своей рукой друзей, чтобы не дать им переродиться...

Так как нам скоро было в путь-дорогу, а я нескоро сюда еще приеду, если вообще приеду, меня приватизировали местные, расспрашивая о том, как все-таки я сработал в Днепропетровске и что там вообще видел. Я рассказывал, что мог. А о чем-то и молчал.

Потом один из эсбэушников вспомнил, что был в Перми, жил там какое-то время. Тему подхватили – город и в самом деле интересный, хотя и провинциальный – жуть. Я бы его определил как самый большой из провинциальных в России. Потом перешли на Ростов-на-Дону... там был и я, и большинство из присутствующих, было о чем поговорить, что вспомнить. Теплый южный город... вообще Россия очень разная, и Южная Россия отличается от Центра и от Урала довольно сильно. И хоть мы, уральцы и сибиряки, к морозам привыкли – все равно, когда на юг приезжаешь, отдыхаешь душой немного. Это тебе не Сибирь, не Урал, где ты постоянно должен быть готов к борьбе за выживание, в лесах, на холоде, в борьбе с жестокой и неумолимой природой. Хотя несколько последних лет перед Катастрофой все по-другому было... у меня на старом телефоне остались снимки зеленой травки, сделанные... второго декабря. Второе декабря – а снега не было. Тут же, бывало, что и вообще зиму почти без снега переживали.

Тут же и зашла речь о том, как дальше жить...

– А с Днепропетровском-то теперь как будете...

– Как... – один из эмгэбэшников (теперь СБУ называлось МГБ) подбросил уголька в костер. – Никак не возьму в толк, что тут не дровами топят, правда, тут много чего не так, взять хотя бы заборы из камня, – поднакопим силов и...

– В Днепре рыбы живут, – сострил кто-то.

– А зачем? – спросил я.

Все замолчали.

– Как зачем? – спросил эмгэбэшник. – Что зачем?

– Зачем дальше воевать?

– А что – смотреть, пока они снова сил поднакопят?

– Почему? Договариваться.

– Там одни атошники.

– Ну и что?

Замолчали. Потом эмгэбэшник, криво усмехаясь, сказал.

– Ты бы мил человек поосторожнее. В гостях-то ты в гостях, но морду можно и набить.

– Так набей...

– Так, стоп... – поднялись сразу трое.

– Мужики, – сказал я, – вот у нас Башкирия, там стоит памятник Салавату Юлаеву, который воевал за независимость Башкирии от России. И что? Башкиры, кто выжил, все равно с нами, весь этот бред в одно место засунули... как и татары. Мы можем сколько угодно пальцы кидать, но когда беда – мы вместе.

– Видел я, – сказал эмгэбэшник, – как вы с Чечней разобрались. Сами же им дань платили.

– И что?

...

– Во-первых, не дань. Мы вкладывались в восстановление части государства. Или – или. Или так или отпускать. Так чтобы вот это часть государства, но там чужие люди живут – так быть не может. Вернее, может, но недолго.

...

– Побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто умнее. В конце концов, бандитом никому не хочется быть, даже сейчас. Будь умнее, дай бывшему бандиту место в строю – и он тебе как никто другой служить будет.

– Да ты хоть знаешь, что они тут делали, – сказал другой эсбэушник, – тут люди от голода умирали!

– А сейчас не от голода умирают. Время такое. Счета обнулились. От жизни ничего не осталось. Впрочем, вам решать, пацаны. Не мне думать за вас. Но одно могу сказать точно: если вы двое так и будете враждовать – вас кто-то третий прихлопнет. Тот, кто поумнее будет. Побеждает не тот, кто правее, а тот, кто умнее.

Конец нашего пленера на природе был явно скомкан, но обошлись без бития фейсов. Но вот мне интересно – почему мы, русские, инстинктивно понимаем, как строить государство, а они нет. А еще разговор идет про то, что один народ. Ни хрена не один. Родственный, но все же разный. И не просто так – государство называлось Россия.

Может и будет еще называться...

Дальше писать опять особо не о чем: пришел эшелон – разгрузили-загрузили – отправили. Вместе с донецкими занимались сдачей-приемкой, ездили на стрельбище, показывали. Донецкие сильно удивлялись, например, что «Вепрь» один-два-три дает кучу меньше, чем СВД. Так они сейчас собираются-то, считай, руками, как в пятидесятые, а руки, к счастью, остались. И куда ушатанной в хлам эсвэдэшке лохматых советских годов против нового, тщательно собранного «Вепря», да еще и с тяжелым стволом? На Украине производства орудия почти что и не было, одно старье осталось. Во время войны сделали сколько-то «Зброяров» плюс «Форт» собирал по лицензии всю израильскую линейку. У нас возможность была посмотреть: посмотрели – не впечатлило. То же самое, что у нас плюс малая серия, огрехи в сборке и конская цена.

В конце концов пришла пора ехать и нам: от республики приехали наши сменщики, они уже обеспечат повседневный формат сотрудничества. В соответствии с достигнутыми договоренностями.

Ульяновск Рынок

Тысяча двадцать четвертый день Катастрофы

Иногда твоя жизнь или смерть зависит лишь от того, повезет тебе или нет. Тупо свернул не туда, вышел не в то время, еще что-то произошло. И песец нечаянно явился. Или, наоборот, выскочил из ловушки, спасся от верной смерти.

Каких-то тут закономерностей, параллелей проводить не надо – это жизнь, а в жизни всегда есть место для подвига. Но я всегда был фартовым. Если в любви мне катастрофически не везло, причем всегда, то в делах – тьфу-тьфу. Наверное, так оно и правильно – для поддержания мирового равновесия.

Мы шли на Ульяновск. Почему? Потому что разумнее зайти сюда и потому, что проблему Ульяновска тоже надо как-то решать, подвязывать братву к нашим общим делам. То, что я увидел в Днепропетровске, укрепило меня в мысли, что Юг намного сильнее, чем мы считали раньше, у них тоже есть работающие производства и даже летающие самолеты. Взять к этому выжившее большинство в горах, где зомби не пройти, – и вот мы получаем бомбу, которая рано или поздно рванет. Не объединимся – стопчут, как русских князей в период феодальной раздробленности.

На пару дней разместились – я оделся легко и решил сходить на рынок, чухнуть, как там и что. На рынке Серега, у него последние новости и узнаю.

На рынке – торг шел как обычно, я заплатил как все, и меня пустили. Пошел напрямую к Сереге, даже перекус покупать не стал, хотя проголодался. У Серого и перекушу.

Серый был на месте, за столом, что-то писал. Увидев меня, он встал из-за стола с каким-то... отчаянным выражением лица. Я такого еще не видел у него.

– Чо это ты... как баба-яга в тылу врага?

Серега вместо ответа встал из-за стола, прошел мимо меня, запер дверь на ключ.

– Ты чего? – я положил руку на револьвер в кармане.

– Ничего. Ты что, не в курсе, что на тебя заказ?

– В смысле – заказ?

– Заказ, ваши приезжали на днях. Денег не жалели, давали сколько попросят. Тебя воронята стерегут, я не знаю, как ты живым до меня дошел...

Твою мать!

Жизнь бьет ключом, и все больше – по башке.

Воронята!

Группировка из Тольятти была названа в честь печально известного отморозка Александра Воронцовского, в свое время решившего стать большим боссом и спровоцировавшего первую криминальную войну в Тольятти. В отличие от других группировок Воронцовский создавал свою как отряд профессиональных убийц, он и не пытался крышевать или контролировать выгон машин – он просто убивал всех. Группировку разгромили, но теперь появились новые воронята. По слухам, во главе их всплыл Агий, пропавший в конце девяностых. Скорее всего, это был треп, но слава у воронят была зловещей.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Валить тебе надо. Отсидишь у меня в кабинете, ночью сдернешь...

В кабинет постучали условным стуком – на мотив «Спартак-чемпион». Серега приоткрыл, выслушал говорившего. Снова закрыл. Повернулся ко мне изрядно сбледнувший:

– Воронята. Тут трутся. Просекли...

Старшим в чужом городе над воронятами – а тут их немало крутилось – был некто Немой, его так прозвали за то, что говорил он мало и неохотно... зато слава у него была кровавая. Узнав, что воронята засекли цель на базаре, он подъехал вместе с двумя опытными подручными – Стрижом и Жигой. Оба отслужили, Жига еще в Сирии воевал, по короткому контракту. Они ездили на банковском бронированном бусике, в котором был целый арсенал.

Как только они встали, из пиетета перед ними контролер не решился денег за постой требовать, к ним подскочил один из воронят. В группировке – младших звали просто – воронята, к старшим обращались по погонялам.

– Чо?

– Тут он.

– Где?

– У Серого в хате.

– Серого?

– Пацан тут, то ли деловой, то ли блатной. Сыром торгует.

– Сыром? – переспросил Жига, жуя жвачку.

– Ага. Еще мукой... жратвой всякой. Точки у него тут.

– Пошли, глянем...

Стриж и Жига взяли автоматы, у Немого внешне с собой не было ничего. Тронулись... понимающие люди, только увидев эту троицу, старались ветошью прикинуться – не маячить, короче. Эти воронята – они еще в девяностые были психами, оккультизмом увлекались. Как-то вычисляли даты, когда идти на дело. А сейчас ходили слухи, что на том берегу в каком-то лесочке есть камень... алтарь какой-то. И на нем людей в жертву приносят.

Так что от воронят подальше держались.

Младший привел их к вагончикам, на которых было написано:

Молочные продукты собственного производства. Сыр и масло – опт. Мука, сахар, крупы. Поставки.

Сами вагончики были аккуратными, снаружи обделаны профнастилом. Место было не слишком-то бойким, торговля с рук тут не велась, только если об оптовых партиях да регулярных поставках заходили поговорить. А так в основном склады тут были, пара кафешек для своих...

Все лазейки были перекрыты воронятами, местность они знали и стояли везде. Оружия открыто у них не было, но это не значит, что его не было вовсе.

Подбежал еще один из воронят, доложил – как зашел, все тихо, никто не выходил. Старшие остались стоять.

Через какое-то время дверь в конторском вагончике открылась, вышел мужик, лет сорока, болезненно худой, длинный, намного выше среднего роста, с неприбранными волосами. На нем была серая рубашка с коротким рукавом, открывавшая забитые партаками руки. Из оружия у него был АКМ, висящий на боку на длинном, нестандартном ремне. Он подошел к стоящей на выходе с торговой улицы троице, поздоровался:

– Вечер в хату.

– Жизнь вора, – сипло отозвался синявый Стриж.

– Вопрос до меня имеете?

– Делового одного ищем. С Ижевска. Говорят, к тебе зашел?

– Как гонят?

– Кабаном.

– Был такой. Ушел уже.

– Давно?

– Да с полчасика.

Киллеры переглянулись. Хоть они и внушали страх, но на базаре были свои нормы поведения, и им приходилось подчиняться. Правило – кодла зайцев льва побила – никто не отменял...

– Мы зайдем?

– Не вопрос.

С Серым во главе они прошли в вагончик. Жига остался в предбаннике, пугая секретаршу, Стриж и Немой зашли в кабинет.

В кабинете никого не было.

– А вы от кого? – спросил Серый. – Объявитесь.

– Воронецкие мы, – сказал Стриж, – слыхал?

– Слыхал.

– Пацаны говорят, от тебя не выходил никто.

– С них и спроси.

Серый сел на свое место, справа от стола была дверь. Немой без спроса подошел, приоткрыл. Каморка – там холодильник, бумаги какие-то лежат кучами. Спрятаться явно негде.

– Может, еще в холодильнике пошаришь? – спокойно, но с тоном угрозы сказал Серый.

– Надо будет, и пошарим, – сказал Стриж. – Кабана этого давно знаешь?

– Лет десять. Еще до всего этого корешились.

– А сейчас чо он к тебе заходил?

– А с какой целью интересуешься?

– Пальцы на нас не расширяй, – сказал Немой, – чревато.

– Вы правила знаете, – ответил Серый, – на базаре разборки запрещены. За беспредел спросят. Если у вас ко мне предъява какая есть – не вопрос, слушаю. Забьемся, воров позовем, разведут по понятиям. А если базара ко мне нет, то летите мимо.

– Кабан этот, – сказал Стриж, – серьезный косяк упорол. Его конкретно ищут. К тебе пока вопросов нет, и лучше, чтобы не было. Он лавэ много сыздил, вернуть надо. Если ты не при делах – вопросов нет. А если он, к примеру, в твою жратву вложился, то вопросы будут.

– Какую жратву? Он у меня и не брал ничего.

– А чо заходил тогда?

– Да он стволами банчит, маслятами. Сдавал тут мне, что было лишнее.

– А ты в оборот пускал?

Серый покачал головой.

– Зачем? У меня у самого бригада, у корешей бригады, все по рукам расходилось.

Намек был более чем понятен.

– Щас тоже товар сдавал?

– Не. Щас за долгом заходил. С прошлого раза.

– Сколько ты ему дал?

– Полтос.

Убийцы переглянулись.

– Чисто по-братски, – сказал Стриж, – мы эту тему перетерли и забыли, но есть другие люди. Они его сильно видеть хотят. Скоро он на месаре будет сидеть и ногами дрыгать, и все, кто с ним в близких, – тоже. Так что не бери у него ничего больше. И бабла ему не давай. Не рискуй.

– Так и сделаю.

Серый отодвинул ящик стола, убийцы напряглись. Но Серый достал не пистолет, а большой кусок сыра – плетенки, копченого. Положил на стол.

– Подгон, чисто братский. Моего завода, сам сыр варю. С пивом схаваете.

Стриж встал.

– За подгон благодарю...

Когда убийцы покинули вагончик, Серый какое-то время сидел неподвижно, прислушиваясь. Потом постучал каблуком по полу.

– Все слышал?

– Ага, – донеслось едва слышное из подпола.

У воронят были проблемы.

– Ну, чо делать будем? – спросил Стриж. – Ушел, похоже?

– Тут он, – сказал Немой, – барыга гонит.

– Жига чо-то видел?

– Ноль.

– Пока тут стоим, ночью все выходы перекрываем. И барыге хвост, – решил Немой, – дайте знать всем, двадцать штук награды даем, если кто делового сдаст.

– Чо-то стремно, – сказал Стриж, – местные не поймут, проблемы могут быть. Тут тоже всякие есть... ломом подпоясанные. Проблемы могут быть.

– Утрутся...

Серый уехал как обычно, ключи оставил мне, показал второй выход – скрытый. До этого я все время просидел в чем-то наподобие подвала – Серый на всякий случай вырыл. Там, кстати, комфортно, даже сухпай был и вода. Но всему хорошему приходит конец, и Серый, каким бы он мне корешем ни был, вписываться за меня перед воронецкими вовсе не был обязан.

Он и так сделал для меня больше, чем должен был.

Не зажигая свет, я достал рацию, настроил на частоту.

– Здесь Кабан, прием.

– Глаз, плюс.

– Исходная.

– Плюс.

Проблема была в том, что ночью беспилотник плохо пашет.

Но я и так все себе представляю.

Достал ПБ, снял колпачок с калика – он включился. Снял с предохранителя.

Автомат всегда был при мне. Не раз и не два убеждался в том, что такая привычка жизнь спасает. Даже в зачищенных городах – опасно. Конец света сейчас, а не Первомай...

Пристегнул «шестидесятку» – мало ли что будет. А она и короткая, и емкая. Накрутил глушитель «РОТОР43», еще довоенный. Ну, вы поняли... довоенный. Подумав, достал из отдельного чехла телефон...

У меня была одна штука, я ее за большие деньги купил и использовал редко. Сотовый «Катерпиллар», он до всего этого полтос стоил. Круче, чем любой айфон, потому что в нем есть режим тепловизора. В стандарте этот телефон делали для всяких мастеров, а им тепловизор бывает нужен – чтобы точки утечки тепла на стенах установить, например. Но если в него закачать немного модифицированную программу для айфона, то его можно использовать как прицел – метров на семьдесят-восемьдесят.

Поставил на совместимый с держателем для айфона на винтовку, зажал. Нюанс в том, что телефон боится отдачи, я бы, например, не рискнул устанавливать айфон как прицел на винтовку. Но этот телефон rugged – противоударный. А на ВПО-148 – всегда отдачи почти не было.

Включил теплорежим, подгрузилась программа... режим огня на АВ.

Понеслась!

Сергея сделал люк в крыше незаметный – как он сказал, если зомбаки осадят и придется по крышам удирать. Я снял два длинных стальных засова, затем начал осторожно, чтобы не на шуметь, сдвигать в сторону половинки крыши. Встал ногами на стол, чтобы не на шуметь, – прости, Серый...

Выбрался. Распластался на еще хранившей дневное, солнечное тепло крыше, пожег немного, прислушиваясь. Похоже, не заметили. Тогда я поднял голову, прилаживаясь к своему оружию...

Есть.

Вон голова торчит – думает, что спрятался от тепловизора. А вон, если посмотреть в начало торговой улицы, еще две.

По сути, живые мишени. Думаю, это шпана, которым, может, и шестнадцати нет. Воронки всегда таких использовали как пушечное мясо – потому что нет страшнее четырнадцатилетнего гопника, которому дали АКМ. Их единственная задача, о которой они не подозревают и сами – умереть, но дать знать остальным.

Но и мне мимо них не пройти.

Мысленно прорепетировал...

Та-тах! Автомат отсек короткую, кашляющую очередь, в теплаке голова брызнула ослепительно-белыми, мимолетными каплями и пропала с экрана. И тут же на другую цель – те услышали, но не просекли, что именно. Та-тах! Та-та-та-та-тах! И еще двое – лежат и почти незаметно тускнеют.

Потому что не получается по-другому...

Спрыгнул с крыши, прислушался. Музыка играет, справа – там круглосуточно работает. Прокатывают заработанное, знакомятся с дамами...

Скорым шагом направился в сторону выхода с улицы. Мой вам совет – в таком случае идите быстро, но не бегите. Потому что если вас кто-то видит – бегущий человек сразу вызывает подозрения, люди просто так не бегут. А быстро идущий – нет. Может человек торопится куда, приспичило...

Один из подстреленных начал подниматься.

Та-тах!

Брызнуло.

Скорым шагом – на выход, но лучше не через центральные ворота. Там наверняка пасутся. Лучше сигануть через забор, и я знаю где. Есть места... снаружи не пройдешь, а вот изнутри...

И не бежать... не бежать. Дыхалку побереги...

Кто-то идет. Я спрятался на свободном торговом месте, но это было не за мной. Трое прошли от складов – наверное, покупали на добавку...

Музыка...

Владимирский централ, ветер северный,
Этапом из Твери, зла немерено,
Лежит на сердце тяжкий груз.
Владимирский централ, ветер северный,
Когда я банковал, жизнь разменяна,
Но не «очко» обычно губит,
А к одиннадцати туз.

А ведь это тоже нас спасло. Были бы мы как европейцы – и сейчас кушали бы друг друга. Не знаю, как у них, но предполагаю, что ничего хорошего. Там, где гей-браки в чести, ничего доброго не будет.

Прошли.

Быстрым шагом, почти бегом... пока не заметили. Ага... вот она – лестница. Ее хватит, чтобы перекинуть на ту сторону, а с той стороны вплотную к забору стоят фуры. Вот я как раз на фуру перекину – и почти свободен...

Так... наверх, теперь лестницу. Только бы не шуметь... еще не хватало, чтобы внизу кто-то остался.

Черт, похоже, так и есть. Остановился. Прислушался. Ага...

– *Иду я, значит, смотрю – в кустах ипутся!*

– *Бабушка, не ипутся, а сношаются!*

– *Ага, так вот, иду я, значит, смотрю – в кустах ипутся!*

– *Бабушка, выражайтесь культурно, не ипутся, а сношаются!*

– *Да, правильно, товарищ судья. Иду я, смотрю: сношаются, а пригляделась немного – ипутся!*

Видать, место продащицы на рынке сейчас дорого стоит. Во всех смыслах этого слова...

Ладно, не мое дело.

Прошел как можно осторожнее, чтобы не шуметь. Перекинул... по высоте как раз подошло. И только я ступил...

Ипать!

Сзади ахнуло ружье... не знаю, как уцелел, чудом, наверное. Могло бы в ноги прилететь, артерию порвать – и трындец. Понимая, что или сейчас, или никогда и времени у меня секунда, я рванул вперед, рискуя упасть, сломать ногу или зависнуть на заборе.

Но не сломал. И только я ступил на крышу фуры – как по спине как молотком ударило, и я полетел вниз, метров с четырех...

Из всех воронежских самым опытным был Жига. За ним были ВДВ, затем он поехал воевать на Донбасс и отвоевал там почти год в отрядах атамана Козицына относительно честно, хотя потом все, в чем их обвинила республиканская прокуратура, было правдой. Приехал домой на отжатом джипе – но джип денег стоил, а документов на него нет. Продал на запчасти. Потом деньги кончились, вербанул в Сирию на полгода. Вернулся как раз перед этим самым, хорошо связь с сослуживцами не потерял. Они и стали костяком воссозданной банды.

Почему так? Да по кочану! Он вырос в городе, где мало задумывались о моральной стороне совершаемых поступков, работы было все меньше, и каждый выживал как мог. Вербануться в армию по контракту – один из способов заработать. Причем он не был ни слабаком, ни трусом – просто его взросление пришлось на девяностые. А это время подарило стране очень специфических людей – повышенная выживаемость, смелость, жесткость у них сочетались с полным отсутствием морали и принципов. Идти в ментовку, чтобы бизнесы отжимать? Запросто!

В Тольятти выжили многие. Потому что ехали не в город, а из города. Сквозных дорог через Тольятти нет, аэропорт в тридцати километрах. Вообще – полностью погибли те города, в которых были либо туристы, либо гастарбайтеры, либо провинция на работу приезжала – везде, где было интенсивное повседневное движение людей. Через него и вся зараза распространялась. Тихие заводы в основном выжили.

Откопали стволы, ограбили оружейный, начали думать, что делать. Потом вышли на вояк и ментов. Пытались завод прибрать, но там другие люди встали.

Вот стали киллерами.

Жига замочил уже девять человек – это по заказу, так он не считал. Он считал, что все это нормально...

И сейчас он переоделся в неприметную робу, сунул под куртейку «наган» с глушителем, забрал рюкзак.

– Ты куда? – спросил Стриж.

– На кудыкину гору!

Зашел на рынок, посмотрел, потолкался. Выпил кофе, съел шоколадку, пару с собой купил. дождался, пока охранник с вышки слезет. Валуховатый такой бугаек...

Оказался рядом.

– Здорово, братишка?

Бугай настороженно остановился.

– Че надо. Дернул!

– Служил где? – Жига показал наколку.

– Не, я не в ВДВ. В пехах, тут неподалеку, – охранник заговорил по-доброму, – а че, проблема какая есть?

– Есть. Подменить тебя хочу, на ночь.

Охранник вытаращил глаза.

– Ты че?

Вместо ответа Жига вытащил золотой червонец.

– Нормально?

Бугай взял, повертел в пальцах.

– Я не понял. Тебе чо надо-то?

– Вас на ночь постах меняют?

– Не, у нас по двенадцать часов. Я заступил только.

– Проверяют?

– Не.

– Вот и хорошо. У тебя тела тут есть?

– А чо?

– Иди к ней, я за тебя на посту постою. Утром – дам еще один, такой же. Отдохнешь как человек.

Охранник несколько секунд думал, потом покачал головой.

– Не. Не катит.

– А чо так?

– Стремно. Ты же из воронят, так?

– Ну, допустим.

– А если ты собрался смотрящего завалить или кого-то из близких его? Тут у нас строго, косякнул – в рабство продадут, а то и монстрам скормят...

Жига покачал головой, достал фотокарточку.

– Не, не тема. Видел вот этого?

– Нет. Это кто?

– Бизнер один, из Ижевска. С вашими тут в близких. Мне он нужен, а не твой смотряга. Точняк не видел? За него деньги.

– Не. Точняк.

– Я думаю, он на рынке где-то, его тут утром видели. Он заныкался, а ночью – сдернет. Вот я и хочу его на Луну отправить. А у тебя же тут стакан – пол-рынка просматривается.

...

– Тебе проблемы с воронятами нужны?

Охранник облизал губы.

– Не. Но все равно стремно.

– Когда ваш приезжает?

– По-разному. В восемь, в девять.

– В восемь меня сменишь. Харэ?

Жадность победила.

– Ладно, давай...

Оказавшись наверху, в стакане, который был поставлен тут для того, чтобы просматривать подходы к рынку и не прозевать подход зомбаков или монстров из незачищенных районов города, Жига быстро достал и собрал воедино разные части винтовки. Винтовка у него была козырная – «Винторез» от «Молот Армс». Почти точная копия, но калибр 366ТКМ, а не редкий и почти сейчас недоступный 9×39. По баллистике примерно то же самое, если брать правильный патрон и самому его снаряжать. Винтовка обратно переделана в бесшумную, переделана аккуратно, кучность не потеряна. Вместо штатных – четыре израильских магазина – тридцатника, которые с ней продавались. И к ней – на штатное крепление ночной прицел 1ПН93.

Но пока что ночник был не нужен – обычной пээсошки вполне хватало...

Стемнело. Делать было особо нечего – стой и смотри. Как-то раз – уже стемнело – Жига заметил движение. Вскинул винтовку – так и есть, мертвяк. Свежий совсем, бестолково тыкается в забор. Чует людей.

Левой рукой взялся за столб, чтобы создать типа упора, положил на него винтовку с уже досланным патроном, прицелился. Хлоп! Мертвяк упал, как будто разом оборвали все нитки у куклы, выстрела никто не слышал – глушитель на все сто работал. Говорят, в Вятских полях делают супер-«Винторез» – патрон 9,3 «Ланкастер», длинная пуля, четыре тысячи джоулей, ручной затвор и глушак – разрывным если, то даже монстру не поздоровится, а точным – триста метров летит, вдвое против «Винтореза». Но такие винтовки не продают даже, серьезная вещь – только своим. Жаль, что этого штымпа приказали с ходу валить, если бы взять его живым и поговорить – можно было бы много интересного узнать. Присесть на левые поставки стволов и патронов – интересно было бы...

Но приказ есть приказ...

Интересно, как дальше будет? Что-то думать надо – бывшие менты все больше власти берут, обостряют. Сейчас ведь закона нет, а закон больше блатных защищал, чем общество. Сейчас если что – тупо грохнули при задержании и все. Или выпытали все что надо, а теперь прокурора нет, пытай не хочу – и исполнили.

Рано или поздно и их исполнят. Менты конкурентов не терпят... да и знают они уже много. Надо думать что-то...

Бах!

Он повернулся, вскинул винтовку. Увидел человека, как-то перебирающегося через забор, разбираться, тот или нет, времени не было. Выстрелил... человек упал.

Песдец.

Вместе с винтовкой он начал быстро спускаться с верхотуры, гремя ступенями. Хорошо, что эта винтовка – она и как автомат. «Молот» договорился с Израилем, они магазины к ней сделали, на двадцать и на тридцать. С тридцаткой – почти как автомат. А еще – в стандарте на цевье планки идут, не надо извращаться – фонарь, лазер, сошки – все что угодно ставишь...

Почти минуты ему хватило, чтобы добраться до стоянки фур. Там никого не было – это потому, что администрация рынка построила гостиницу и ввела правило – в машине ночевать нельзя, хочешь машину на охраняемой стоянке оставлять – иди в гостиницу, в кабине нельзя. Или ставь во дворах неподалеку, но все проблемы тогда – твои.

Заработала рация, он ответил:

– Это Немой, что там?

– Это Жига. Думаю, он на стоянке для фур, я его подстрелил, он упал.

– Добро, мы подтягиваемся...

Надо было подождать и идти всем вместе. Но Жига с его сирийским и луганским опытом решил идти один, не дожидаясь. Включил лазер – у него Клеш стоял на цевье, и фонарь и лазер в одном флаконе. Сделал шаг. Еще шаг. Еще...

Короткая очередь хлестнула по ногам, перебив обе лодыжки. В глазах полыхнуло, он упал, пуль, добивших его, он не почувствовал.

Одна из самых распространенных ошибок любого стрелка – не бояться за свои ноги. Прячась за машиной, всегда надо помнить – это коварное укрытие, между машиной и дорогой есть просвет, и он тебя запросто выдаст. Потому за машиной лучше не укрываться, а если укрываешься, то ноги береги!

У меня был тепловизор, а ноги в нем светятся меньше, чем лицо, но все же светятся. Потому я хлестнул по ногам, потом добил. Все просто.

Если бы спина не болела. Упал я прилично, хорошо, что броник от больших неприятностей уберег. У меня скрытник, и как хорошо, что пластины от Ратника сзади такие же, как и спереди. Но все равно я в Ижевске на лестнице хребтом навернулся и не долечил, теперь еще здесь, и прилично так отдаст. Но все равно придется воевать, он тут явно не один был.

Я был недалеко, и мне хотелось увидеть, какой он, тот, кто меня подстрелил. Я знаю – глупо, но все равно. Потому я перебежал к тому месту, потом завалился под машину и затащил туда трупешник, первым делом выстрелив в голову – если оживет и вцепится, хорошего мало. Меня удивила винтовка – «Винторез», редкость сейчас потому что. Интересная кочерга...

Ну, в общем, за ремень и на плечо, еще два шага ухватил и в карман – он большой, как раз для таких дел. Ему уже ни к чему, а я хоть продам или как трофей на память оставлю. Вроде там ночник еще годный. Как раз закончил с мародеркой, когда услышал звук движка...

В «паджерике» были Немой и Стерх, а с ними еще один вороненок был – на всяк случай. Особо не таились, Жига сказал, что клиента привалил.

– Мне эти камбарские не нравятся, – сказал Стерх, управляя машиной, – мутные они какие-то. Как бы не кинули со второй частью филок.

– Не кинут.

– Хорошо бы...

Фонарь осветил забор, Стерх нажал на тормоз – и в этот момент лобовое стекло машины взорвалось осколками. Стерх что-то крикнул и вскинул руки вверх, чтобы прикрыть распадающееся на части лицо...

В магазине у меня оставалось еще патронов пятьдесят – вот я их щедрой рукой и высадил по остановившемуся джипу прямо через забор. Кстати, то, что говорят, что магазины на шестьдесят патронов с патронами в четыре ряда косячные, – гоневое все это. Отличные магазины для тех, у кого они есть. Я только один способ вызвать перекося знаю – сильно стукнуть дном обо что-то твердое. Но и на обычном магазине, скорее всего, перекосят.

Джип умер. Я сбросил, пристегнул следующий, на сорок пять. На рынке заорали, грохнула в небо автоматная очередь, потом на крыше врубился прожектор. Я вскинул автомат, и прожектор тоже умер.

Короче, джихад во весь рост начался...

Но ход был свободен, и я решил не ныкаться, а тупо пробивать себе дорогу. И потому побежал. Пробежал мимо джипа, который признаков жизни не подавал, и выломился на улицу, наверняка полную воронят или кого-то в этом роде...

Еще одна очередь, но в воздух. За спиной.

Валить надо...

Думаю, в первую очередь меня на берегу Волги будут искать или в городе. А я вот ломанусь к Свияге – она тут совсем недалеко в Волгу впадает...

Автомат держал наготове, увидел движение – так и есть. Вороненок. Со стволом «Сайга-12», кажется. Косанул – упал.

Со спины какие-то крики, опять стрельба – это, похоже, уже непонятки у самого рынка. А мне тише надо.

Ломанулся к тому вороненку и чуть не напоролся на второго, тот выперся посмотреть, что с первым. Видимо, друг был его. Едва успел первым выстрелить...

Ломанулся в кусты, благо тут зеленка. Прислушался.

Не надо торопиться, не надо волноваться...

У рынка снова выстрелы. Потом мимо меня по улице прошла «Нива-Шевроле», задняя дверь снята, там бойцы сидят, спиной вперед. С визгом повернула на Крымова.

– Здесь Кабан, меня кто-то слышит?

– Глаз, слышу тебя.

– Плюс, я выбрался. Отзвоню.

– Плюс.

О моих намерениях говорить я пока не стал – мало ли кто на частоте сидит...

Еще воронята есть? Или похуже?

Какого хрена на меня объявили охоту?

Пора?

Перебежал еще раз. Потом еще...

К Свияге вела улица Робеспьера – название, конечно, идиотское, хоть бы русского какого взяли. Но не суть. Суть в том, что в меня какие-то бдительные дружинники долбаные открыли огонь с дома. Я едва успел укрыться и загасил двоих, используя тепловизор. В конце концов, хоть они тут вообще левые, но лезть в чужие дела я тоже никого не просил. Влезли – получили.

У самой реки я столкнулся с зомбаком... не знаю, как он тут оказался, совсем не чистили, видимо. Буквально напоролся... он не виден был ни в темноте, ни через теплак, потому что зомбаки холодные. Оскаленная харя сунулась ко мне... хорошо, что я ногой ударил и не попытался бороться за автомат. Зомбак вцепился в автомат, который ему мешал, я же выхватил ПБ и выстрелил ему в голову. Зомбак свалился.

Хреново... очень хреново. Если они тут как на проспекте гуляют... то очень хреново...

Плохо дело...

Свияга была прямо передо мной – неухоженная, заросшая. Тут, кажется, хотели элитные дома строить и набережную отделывать, но какие элитные дома на родине великого Ленина? Это оксюморон получается...

– Здесь Кабан.

– Глаз, слышу.

– Вы на реке?

– Плюс, ждем.

– Я на Свияге, забирайте меня.

– Где именно?

– Увидите!

Река – не худшее решение. Она не дает разгуляться зомбакам, в ней можно спрятаться. Тут деревья, видно плохо.

Протрещали кусты, захлюпала вода... все, я на месте... Ищите теперь меня.

И начали искать. Только я по пояс забрался – а дно тут топкое – тормоза, крики...

– Он где-то здесь! В воде ищите!

Едва успел убратъся от фонаря... с фонарями сейчас проблема, батареек нет, хоть это радует. Раньше у каждого были. А вообще – невесело, кто-то на нашей частоте сидит. То есть он ее знает... гад.

– Гранаты несите!

А вот это совсем худо.

Урча мотором, со стороны Волги показалась большая «казанка», с нее пулеметчик открыл огонь.

Фак...

Заорал – я тут, замахал руками – чего тут таиться. Рулевой увидел меня, подвел лодку ближе...

Фонарь высветил лицо.

– Он!

Я узнал голос.

– Помогите, блин...

Лодка едва не перевернулась, по нам открыли огонь.

– Трогай! – заорал кто-то.

Я заорал от боли в спине, когда лодка тронулась. Но это неожиданно помогло – когда лодка начала двигаться, ил отпустил ноги, и я перевалился в лодку.

Больно было – словами не передать. Все-таки, когда спина болит, чертовски хреново, хуже даже чем если зуб...

Пулеметчик начал менять ленту, мы уходили вверх, не думая разворачиваться.

– Куда мы идем?!

– Наверх! – проорал Саня-ВВ. – На реке ждут нас уже! Ходу!

Перед нами был мост, на мосту – стрелки и машина какая-то. Рулевой резко вильнул, сбивая прицел, мы открыли огонь из всего, что у нас было. Темная бетонная планида заискрила вспышками, кто-то что-то заорал – потом наверху ярко и светло полыхнуло. Бак рванул.

– Ходу, ходу!

Казанка вырвалась из-под моста, и тут открыл огонь уже я, потому что на дне лежал и мне хорошо видно было. Пока мы уходили, я все, что было в магазине, и разрядил. Из положения лежачего. А лежать было некомфортно, потому что сыро стало – продырявили нас, и вода прибывала...

– Лодка течет!

– Фигня! Главное – движок цел!

И то верно.

Меня подняли в сидячее положение, и я стал вычерпывать воду какой-то миской. Мы уходили вверх по течению, и спина болела меньше...

Примерно через километр, нам отсигналили с берега, и мы тут же свернули. БТР, «крузер» с прицепом под лодку, бронированная буханка, еще один джип.

Нас зацепили с берега...

– Все целы?

– Все, – ответил Саня-ВВ, – считай, в рубашке родились. Там с моста ударили и с берега еще. Если бы не пулемет – пипец.

Меня подняли за руки, подошел Серый.

– Чо, цепануло, брат?

– Не, спину сорвал.

– Спина это пофик, заживет...

– Машину грузите!

Начали затаскивать продырявленную казанку на прицеп – сейчас ничего нельзя оставлять.

– Фары! – крикнул кто-то.

– Движение справа!

Меня уже взгромодили в УАЗ, потому что там лежать было можно. Но сзади двери не закрыли, я все видел и слышал.

Кто-то пробежал мимо машины, неся что-то на плече, потом кто-то другой заорал во весь голос так, что даже я вздрогнул.

– Внимание, цель! На два! Мазута, заснул, что ли?

Хлопнул гранатомет, и почти одновременно с ним с БТРа шарахнул короткой очередью КПВТ – шарахнул так, что аж в душе все дрогнуло. Что-то полыхнуло, КПВТ долбанул короткой еще раз, а потом беспрестанно застрочил ПКТ...

Больше к нам до самого выезда из города прицепиться никто не решался, и даже зомби и монстров не было. Просекли, что лучше не связываться. Даже воронята больше не пытались, не рисковали.

Вышли, пошли какой-то дорогой... тут дорог полно и застройки полно, я говорил как-то – тут целая жилая зона до всего была, несколько городов, и до трех лимонов населения. Базы отдыха, коттеджные поселки – всего хватало.

Вот, на базу и зарулили. Там наши. Машины, люди, оружие – все наше.

– Сейчас помогу... – Саня подставил плечо, – давай аккуратненько. Вот... так. Только ты не психуй, о'кей?

– Чего психовать?

– Ну...

– Саша?!

И я увидел Элину.

– Папой-то смогу стать? Уй... ё...

– Если только римским.

– Да я уж чувствую...

Элина принялась меня лечить... по ее настоянию меня переложили на носилки и отнесли в здание. Там меня, понятное дело, ждали уколы. Причем немало уколов.

– Где ты так?

– Упал с фуры с четырехметровой высоты. Четыре с лишком даже. Из ружья по мне выстрелили.

– Вижу. Лежи.

Элина достала походный хирургический набор.

– Еще когда в лодку забирался, дернули...

– Лежи спокойно.

Первая дробиная звякнула о кувез. Вторая.

– Что в Ижевске? Я что, в розыске?

– Не знаю. Я сбежала.

– Что значит – сбежала? – я не понимал происходящего, до меня еще не дошло, что если Элинка тут, то это не просто так.

– За мной пришли двое. Предъявили документы, сказали, что с тобой что-то, но пароля не сказали. Потом один на меня напасть попытался.

– И ты?

– Я их убила.

Я помолчал. Потом сказал:

– Молодец.

...

– Я опасался, что ты не сможешь.

– Смогу. Смогу, Саша.

...

– Я помню, как меня схватили. Больше этого не будет.

– Молодец.

Мелькнула мысль – в команду, что ли, ее взять? Из женщин получаются отличные снайперы. Я ее возил на стрельбище – результаты очень неплохие были. Если еще поднатаскать.

Опасно? Ну не опаснее, чем сейчас в гости приходят.

– Как они представились?

– Как сотрудники МВД.

– Диме сказала? Ты его видела?

– Видела. Он тут, со мной. Мы бежали вместе.

...

– Его пытались убить у подъезда. Меня они не заметили...

На следующий день я, хоть и с трудом и вопреки настоянию Элины, смог пройти с двумя палками несколько шагов. Получилось не очень, но... все же получилось. Больше всего я боялся обезножить – сейчас это смерть.

Еще через день, когда я лежал в домике, ко мне пришел Серый. Вид у него был весьма виноватый.

– Сань... – Серый не знал, куда глаза девать, – ты извини.

– За что?

– Да за мысли дурные. Ты же знаешь, что я про тебя... и про жену твою плохо думал. А оно вон как...

...

– Хорошо такую бабу найти. Которая не бросит, выходит...

– Хорошо, – сказал я, – вообще-то это ты меня извини. Встрял ты из-за меня с воронятами в блудняки.

– Это мы еще посмотрим. Если есть что предъявить – пусть попробуют. Заодно, пусть стрельбу на рынке обоснуют и все их заходы дикие. Как бы им не предъявили за бесприделы все ихние.

– Серый, ты же знаешь, они не предъявлять, они мочить будут. Занываться бы тебе на время. Залечь.

– Посмотрим.

Мы оба знали, что я прав.

Гонец добрался до Тольятти на следующий день, после чего банда объявила мобилизацию. Тут дело было не только в том, что десять братанов дуба дали, но и в том, что их как лохов сделали. Если не отбиться – потом уважухи не будет, все кому ни попадя клевать начнут.

База воронят была на окраине, в одной из гостиниц. Сейчас там был полный переполох, люди надевали бронежилеты, садились в машины. На верхнем этаже старший – гнали его Клецом – разговаривал с Мобилой. Мобила – такая кликуха была у бывшего спецназовца ГРУ, который выжил и примкнул к банде. Помимо исполнения наиболее важных заказов, он тренировал воронят, вот почему у банды была такая зловещая слава. У него была своя бригада – десантура, морпехи, двое из спецназа.

– Короче, эти камбарские нас под молотки подвели, но с ними потом. Сейчас надо с Ганей за рынок развести, там непонятка. Но этим я займусь, тебе – задание особое.

...

– Серый есть такой. Из деловых, но бригада своя. Немой мне по рации передал – они его выпасали, он с этим ижевским...

...

– Короче, тихо его устанавливаешь, выпасаешь, берешь и сюда. Семью тоже. С ним отдельно разберемся – на кол его сажать или в рабство.

Сажать на кол – одна из публичных казней банды.

– Сделаем. Установочные есть у него?

– Серый. Завод у него свой, сыр вроде делает. Высокий, тощий...

Через несколько часов черный как уголь «Гелендваген» остановился около обваренного со всех сторон сеткой вагончика – закуской. Мобила вышел, к нему в хвост привычно пристроился Бурка.

Дверь была открыта, только руку просунуть и засов поднять. Зомби так не сможет – местное изобретение.

Внутри было во многом так же, как и до всего этого, только ассортимент сильно победнее. Красивая девушка за стойкой, от зала место продавца тоже отгорожено сеткой.

– Здравствуй, хозяйюшка...

– Здравствуйте...

– Чем покормишь?

– Макароны есть. С котлетами. Кетчуп, майонез. Все нормальное...

– Ну, давай...

Бурка прошелся по залу на восемь столиков...

– Чем платить будете?

– Патронами возьмешь?

– Возьму.

Мобила подмигнул.

– Обожаю девушек, разбирающихся в оружии, – он выстегнул магазин из «стечкина» – такие пойдут?

– Пойдут, у папы такой же...

– А сам папа где?

С кухни, словно чуя неладное, появился мужик. На поясе у него был «стечкин».

– Все в порядке?

– Да, пап, вот, патронами платят.

Мужик и Мобила смерили друг друга взглядами.

– Я человека одного ищу, – сказал Мобила, – говорят, он сыр делать наладил.

– Это не тут, дальше по дороге. Сергей Иванович.

– Хороший сыр?

– Хороший, мы у него берем. Можем отрезать.

Мобила кивнул.

– Вы бы лучше подсказали, как добраться. Запутали мы.

– Сейчас нарисую.

Звякнула микроволновка.

– Все готово.

Мобила достал пачку патронов, барнаульскую, выложил на прилавок.

– Рисуй...

Оказалось совсем недалеко...

Там был съезд, на нем была стела – высокая, бетонная, на ней трактор и шестеренка. Не промахнешься.

Съехали, остановились. У них было два «Гелендвагена» и «бардак» – то есть БРДМ с переделанным моторным – поставили новенький дизель от газовского грузовика. За все машины было изрядно плачено кровью.

Мобила вышел первым, по лестнице забрался вверх, на крышу «гелика» – оглядеться.

– Карту! – бросил он.

И это были последние его слова.

Потому что земля рядом с памятником внезапно вздыбилась и бросилась в лицо...

Мобилу взрывом бросило через дорогу, метров на двадцать. Он не сразу пришел в себя. Пришел в себя он от звуков одиночных выстрелов. Они были слышны как будто издалека.

– Там еще! – крикнул кто-то.

– Контроль!

Ах, как подловили...

Этот... в закуской – он их и подвел прямиком к месту установки фугаса. Сирийский опыт – местные на другую сторону играют, поверишь им – заведут в засаду.

А сейчас расслабились.

Твою же мать...

Ладно... со всем с этим потом... главное – уцелеть. Потом он приведет сюда пацанов, девку на хор поставят на глазах отца, а самого отца на кол посадят. Или обольют бензином и подожгут.

Только еще уцелеть.

– Там проверяли?

– Нет там ни хрена...

– Тогда по коням.

– Все, уходим!

Зарычали моторы... звук удалялся, а он остался лежать тут.

Ништяк...

Ништя-як... не нашли, не убили, не добились, живой. Все остальное – туфта. Как говорил Винни-Пух все туфта, кроме меда.

Сейчас немного отлежаться, потом найти транспорт... это сложно, но вполне возможно. Добраться до города, там собрать пацанов... и вернуться сюда.

Или забрать все, что лежало на нычках, и дергать... дергать на хрен, пока не поняли, что он живой. Числиться мертвяком – тоже неплохо. Воронят боялись, но только до того момента, пока они казались неуязвимыми. Как только это стало не так, многие захотят посчитаться, очень многие. Оступившегося всегда затопчут.

Но это потом. Главное, он живой... а остальное приложится. Все фигня, кроме меда.

Он пополз. Метр за метром. Шаг за шагом. В какой-то момент что-то цапнуло его за палец, он отдернул руку – стекло, что ли, или гвоздь. Оказалось – мышь. Он вдарил кулаком... но мышь, вся в земле и какая-то мокрая что ли, продолжала разевать свою маленькую пасть.

И он понял, что мышь эта уже быладохлая...

Бывшая Россия
Близ Ижевска
Птицефабрика Вараксино
Тысяча тридцатый день Катастрофы

Говорят, что на родине и земля помогает. Фигня полная на самом-то деле. За пределами родных палестин тебя никто не знает, никому ты и на фиг не нужен, а тут ты в розыске, у тебя тут враги есть, есть люди, лично заинтересованные в том, чтобы тебя достать. И ходить надо осторожно – проблемы могут свалиться на тебя подобно тонне кирпичей с самосвала. Или ледышки с крыши по голове.

Но ходить надо...

Я понимал, что провал мой, скорее всего, начнется с того, что я выйду на кого-то из своих... на кого-то из группы. Потому что, пока я ныкаюсь, установить меня сложно, по сотовому меня не отследишь, не те времена, а прятаться я умею. Но как только я выйду на кого-то из своих, шансы быть обнаруженным растут в геометрической прогрессии. Особенно если тот, на кого я выйду, окажется гадом. Точнее, даже не гадом, а умным и предусмотрительным человеком, который решит, что на фиг ему связываться с опальным и обвиненным во всех смертных бывшим старшим экспедитором Ижмаша, бывшим депутатом Горсовета – а вот если он стуканет кому надо, то поимеет с этого вполне конкретные дивиденды. Потому что дружба – она дружба, но начальство больше всего на свете ценит верность. И правильно делает.

Усугубляло все еще то, что по моему настоянию мы все жили в одном месте. За городом, я имею в виду. Место называлось Вараксино, это за Малиновой Горой, которая раньше была деревней, а теперь стала заводским районом. И за Липовой Рощей – поселком Госсовета, куда до Катастрофы провели отличное шоссе, которым и сейчас приятно пользоваться. Вараксино было хорошо сразу по нескольким критериям. Во-первых, там место было, дома были, и инфраструктура какая-никакая, но была. Во-вторых, удобно, оно как бы на отшибе, что с основной площадки, что с четырехсотого производства: пара минут – и ты на Як-Бодыинском тракте, мало загруженном и неплохого качества как раз из-за Липовой Рощи. По городским забитым трассам совсем не надо ехать, сейчас, конечно, это значения не имеет, но... Потом там я просто все знал – там в свое время птицефабрика построила такой домик хороший – вроде как для персонала, но квартиры по девятисто, по сто двадцать метров, есть и двухэтажные. И он стоит почти буквой О, то есть для обороны хорош, перекрыл входы постами – и ни зомби, ни тварь не заберутся. Там люди жили, я по тихой хотел подъезд для своих откупить целиком, договаривался, но не успел. Там же рядом гаражный кооператив и там же дальше садовое товарищество с домами – то есть можно и жилье, и гараж, и огород иметь рядом. Ну чем не хорошо?

Если ехать дальше, к садо-огородам, то там, на повороте, есть небольшой песчаный карьер, и там есть хороший такой родник – а место там диковатое, потому что ниже пруд заросший. И в случае чего уйти можно в сады-огороды, а потом и в лес. Конечно, если примут за зомби и стрелять начнут, кончится плохо но может и повезти. Вот – я оставил комбяху, замаскировал ее и залег – дальше, у ручья, в зарослях. Сыро конечно, но потерплю.

Нужный человек появился часа через три – мне повезло, он не каждый день ходил. Когда он присел и начал наполнять пустые пластиковые сиськи, я негромко напел.

– Дождь нам капал на рыло...
И на дуло «нагана»...

Человек вскочил, лапнул пистолет, настороженно всматриваясь в заросли камыша. Потом негромко спросил:

– Вадимыч, ты?

Это и в самом деле был Сомяра. Какая-то недобрая ирония в том, что из всей группы я больше доверяюсь уголовнику, сидявому. Но если так подумать – на воле больше мерзости, чем на зоне, и Катастрофа это мало изменила. На зоне за всю гадость, подлость, гнилость рано или поздно приходится держать ответ – а на воле?

А на воле вовремя предать – это предвидеть...

Мы сидели в овражке у карьера, прямо на земле, чтобы не видно было с дороги. Приняли по пятьдесят коньяку, но больше не хотелось.

Молчали. Зэка вообще умеют молчать, а Сомяра тем более. В зоне он был «один на льдине» – есть такие расклады.

– Про меня чо говорят? – спросил я.

Сомяра зло усмехнулся.

– Что Родину предал.

– А конкретнее?

Сомяра сплюнул.

– Под себя шакалил, суетился. Крысник в дом привел.

– А вы поверили?

– Я – нет, – веско сказал Сомяра, – а за других не скажу, каждый сам за себя ответчик в таком деле.

– Группа цела?

– Пока да.

– Кто вместо меня?

– Пока вертухай (это он так Саню-ВВ) называл – но это временно.

...

– Думаю, вообще разгонят.

Я удивился.

– А торговать как?

– А никак, – зло сказал Сомяра, – тема такая, что теперь мы теперь только до границы республики возить будем, если посуху, или до Камбарки, если водой. А там у нас забирать будут.

Я присвистнул.

– Здравствуй, жопа, Новый год. Кто – забирать?

– С торга.

– С Новгорода?

– Ага.

– Хрена! Сто пудов это либо канашские, либо зеленодольские, либо еще кто.

Сомяра пожал плечами.

– Может, и они.

Схема знакомая. До боли прямо. Не счесть заводов и вообще дел, которые так разорили. Тупо – на входе, либо на выходе ставят посредника – чаще всего там сын, зять, сват генерального. На входе – втридорога перепродаются комплектующие, на выходе – продукция покупается по одной цене, а перепродается по другой. И вот так за год, за два, за три нормально работающее производство превращается в полудохлое. Потому что с него высосали всю оборотку.

И если вы видите предприятие, которое годами в убытках, но работает – ищите рядом вот такую вот конторку.

Это, кстати, наше ноу-хау. Я до катастрофы много чем интересовался за границей, так вот могу сказать – нет там такого. Директора там за такое могут на пятьдесят лет посадить, не говоря уж о том, что и он сам и все, кто имел отношение к схеме, работы больше не найдут. Там – это защита прав собственников, акционеров. У нас же...

Но меня это все равно взбесило. Сильно.

– Сом. Скажи одну вещь: а чо вы молчите?

– Кому говорить? Депутата у нас нет, даже собрание не назначают.

– А вы потребуйте. Придите с автоматами и потребуйте.

– Вадимыч, сам знаешь, я за любой движняк кроме голодовки – но...

– Что – но? Что?

...

– У вас, ипать, завод отжимают! Не у республики – у вас. Хочешь, скажу, чо дальше будет?

...

– Сначала посредники на продажи и закупки присядут. Потом не станет хватать денег. Начнут резать социалку, которую я, б... как мог пробивал. Но это не поможет. Начнут увольнять и резать зарплаты. Снова не поможет. Потом знаешь, что?

...

– Потом решат, что слишком большая честь – зарплату вам платить. Времена вон какие. Перебьются. Пайками и тэ дэ. Ты же ездил, рабские плантации видел. Хочешь, чтобы и тебя так загнали?

– Меня не загонят.

– А чо? Свалишь?

...

– Эх, ты. Сомяра. Не понял ты одну вещь. Тебе – и всем остальным – выпал шанс. Такой шанс, какой никому в жизни не выпадал. Не сгинуть, а жить, и жить даже по-людски. Хоть по какой-то, но человеческой справедливости. А теперь у вас этот шанс отнимают, а вы на это тупо смотрите. Ну, ладно, может, и пронесет, может, и не будет ничего. Так и прощелкаете хлебалом всю свою жизнь вольную.

Сомяра помолчал, потом сказал:

– Споем, что ли?

– Ну, давай, веди...

И Сомяра запел:

Это было весною, в зеленеющем мае,
Когда тундра надела свой зеленый наряд,
Мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Опасаясь засады и криков солдат.
Лебединые стаи нам навстречу летели,
Нам на юг, им на север – каждый хочет в свой дом.
Эта тундра без края, эти редкие ели,
Этот день бесконечный, ног не чуя, бредем.
А по тундре, по железной дороге,
Мчится поезд курьерский Воркута-Ленинград.
А по тундре, по железной дороге,
Мчится поезд курьерский Воркута-Ленинград.
Дождь нам капал на рыла и на дула «наганов»
Суки нас окружили, «Руки в гору!» – кричат.
Но они просчитались, окруженье пробито —

Кто на смерть смотрит прямо, пули брать не хотят.
Мы теперь на свободе, о которой мечтают,
О которой так много в лагерях говорят.
Перед нами открыты безмерные дали.
Нас теперь не настигнет, автомата заряд;
А по тундре, по железной дороге,
Мчится поезд курьерский Воркута-Ленинград...

Спели. Сомяра помолчал, потом сказал:

– Эх, Вадимыч. Никогда актив не уважал, а вот день пришел – самому активистом быть.
Говори, что делать-то будем.

Бывшая Россия

Ижевск, Устиновский район

Тысяча тридцать второй день Катастрофы

Подполковник Трошков был типичным продуктом милицейско-полицейской системы страны.

Что в ней было не так... сразу и не скажешь, скорее не так было со всей страной и уже давно. На Кавказе говорят, не стыдно зарабатывать деньги любым способом, стыдно денег не иметь... но тут было другое, совсем даже другое. Он не сказать чтобы коррумпирован насквозь, скорее наоборот. Проблема была в том, что у него не было никаких идеалов, никакой системы моральных ценностей, на которых бы он основывал свои поступки, никакой позитивной мотивации того, что он работал в правоохранительных органах. Если спросить его, зачем он пошел работать в полицию, он бы не ответил.

Пошел, потому что была школа милиции и туда было проще поступить пареньку из маленького городка и без денег, потому что там общага была. Закончил, потому что иначе никаких путей в жизни не было, только пахать как проклятому и к пятидесяти сбухаться в ноль. А он так не хотел.

Продвигался по службе. Вместе со всеми. Делал то же, что и все, не выделялся. Подвижки в системе были опасны, от подвижников система избавлялась в первую очередь. Тем, кто наверху, нужны были понятные и управляемые кадры, всем остальным – тюрьма или выкинутейн. Не счесть в Нижнем Тагиле тех, кто хотел как лучше.

То, что полиция представляет собой подобие мафиозной системы, он понял почти сразу. Но ничего не пытался изменить, наоборот, встроился и без задней мысли принял правила игры. Ведь если так подумать, любой колхоз или небольшое предприятие в глубинке представляет собой подобие мафиозной структуры. С неформальными авторитетами, традициями, способами неофициального заработка и избавления от чужих. Ведь порой за бригадирскую должность или удобный кабинет такие страсти-мордасти разгораются, что хоть фильм снимай. Художественный. С субтитрами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.